

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОГО ПОВОЛЖЬЯ



ЧУВАШГОСИЗДАТ ♦ 1948

ЧУВАШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
ЧУВАШСКОЙ АССР

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья

Под редакцией
проф. А. П. Смирнова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЧУВАШСКОЙ АССР
Чебоксары ♦ 1948

* * *

Настоящая книжка посвящена вопросам древней истории Чувашского Поволжья. В ней рассказывается о том, когда и в каких условиях появились на Средней Волге первые обитатели, какой исторический путь прошли они в эпоху первобытно-общинного строя, как и когда возникла у них первая государственность, как, наконец, в процессе исторической жизни возник чувашский народ. В целом, таким образом, настоящая книжка является как бы введением в историю чувашского народа.

Выпуская эту книжку в свет, Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории полагает, что она будет полезна не только педагогу-историку, работнику политико-просветительных учреждений, пропагандисту, но и всем тем, кого интересуют вопросы родной истории.

Обычно мы и не подозреваем, что вокруг нас земля сохраняет остатки древней культуры. Выйдем на берег реки и очень скоро либо в устье оврага или обрыве берега, размываемом рекой в половодье, увидим темный слой, содержащий обломки глиняной посуды, разбитые кости животных, обгорелые камни, золу и уголь. Здесь когда-то жили люди, находился поселок или город, уже давно покинутый и забытый. При раскопках таких древних слоев, производимых специалистами—археологами, встречаются остатки жилищ, следы печей-очагов и ямы для хранения припасов. Находят также различные изделия из камня, кости, меди, железа и других материалов, позволяющие не только составить представление о хозяйстве, быте и культуре живших здесь некогда людей, но и сказать—когда эти люди здесь жили, когда возник и когда погиб их поселок.

На высоких и обрывистых речных берегах, пересеченных глубокими оврагами, нередко встречаются остатки поселений, защищенных некогда от военного нападения земляными валами и глубокими рвами. Эти памятники обычно хорошо известны местному населению, называющему их по-чувашски кивё хула вырәнэ (место старого города), хулату (букв. город-гора). Удмурты и марийцы называют их словом „кар“, что в древних волжских языках означало поселок (отсюда же чувашское „кас“, „касы“; например, Вурман-касы—лесной поселок). Русские называют такие места городищами.

Наконец, очень часто на высоких речных берегах и в глубине водоразделов располагаются древние могильные сооружения—курганы. На территории Чувашской республики эти памятники относятся к весьма отдаленному прошлому. Поэтому в памяти местного населения правильное объяснение их происхождения, как могильных холмов, насыпанных древними людьми, уже давно утратилось. Во многих местах курганы называют сейчас по-чувашски „улӑп тӑпри“, что значит земля великанов—земля, насыпанная легендарными древними исполинами.

От более позднего времени—первого и второго тысячелетия на территории Чувашского Поволжья сохранились многочисленные кладбища, лишенные могильных насыпей. Наиболее поздние из них—это кивё сӑва или кивё мазар—старые чувашские кладбища, относящиеся к XVI—XVII столетиям.

Таково огромное научное богатство, хранящееся в земле и служащее для изучения древней истории. В настоящее время исследование древних памятников Чувашской республики делает лишь свои первые шаги и много еще предстоит раскопать мест старых поселений, городищ, курганов и могильников, прежде чем станут известны происхождение и древняя история этого народа. Многие бесспорные факты истории чувашских племен и их предков, однако, уже установлены археологическими исследователями.

До Великой Октябрьской революции археологические исследования на территории Чувашской республики не производи-

лись, хотя было известно о богатстве этой области разнообразными остатками древности. При земляных и сельскохозяйственных работах местными жителями не раз делались находки разных древних предметов, которые иногда попадали в поволжские музеи или частные коллекции. Например, значительная часть вещей, составлявших известную коллекцию В. И. Заусайлова, происходит с территории Чувашской республики. Большое число вещей, найденных в Чувашии, имеется в собраниях Казанского музея. Отдельные вещи попали в центральные музеи—в Московский Исторический музей и Эрмитаж.

После Великой Октябрьской революции и окончания гражданской войны, когда народы СССР начали мирную созидательную жизнь, пробудившийся интерес к родной истории привел к необходимости организации археологических раскопок, которые приоткрыли бы завесу над древним неизвестным прошлым. На территории Чувашской республики первые археологические работы были осуществлены в 1921 г. казанским археологом В. Ф. Смолиным, когда им было произведено обследование некоторых районов северной части республики. В последующие годы В. Ф. Смолиным были раскопаны около с. Абашева на Цивиле несколько курганов, относящихся к эпохе бронзы (второе тысячелетие до н. э.).

Особенно крупные археологические работы на территории республики были осуществлены в 1926—1927 и 1930 гг. Инициатором этих исследований, проводимых под руководством проф. П. П. Ефименко и отчасти автора этих строк, был крупнейший советский ученый покойный академик Николай Яковлевич Марр, очень много сделавший в области изучения языка, истории и древней культуры чувашского народа. Указанными работниками в разных частях республики были исследованы несколько остатков поселений эпохи неолита и бронзы, много курганов, несколько городищ и могильников, в том числе целый ряд кивё şава—старых чувашских кладбищ.

Не раз велись археологические исследования на территории республики и в последующие годы. Среди них особо следует отметить раскопку могильника эпохи бронзы около д. Баланова (Козловский район) и раскопку местонахождения костей древней ископаемой фауны со следами пребывания палеолитического человека, открытого около дер. Улянкя в бассейне Кубни.

Предлагая вниманию читателя настоящую книгу, автор выражает надежду, что приведенные ниже данные будут полезны для всех интересующихся прошлым своей страны и своего народа и будут необходимы всем специально изучающим это прошлое. Автор надеется также, что прочитавшие эту книгу будут всегда бережно и внимательно относиться ко всем древним предметам, случайно обнаруженным при сельскохозяйственных или земляных работах, и помогут сохранить их для исторической науки.

ДРЕВНЕЙШИЕ ОБИТАТЕЛИ ТЕРРИТОРИИ
ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

1

Заселение территории СССР первобытным человечеством протекало очень неравномерно и в течение многих десятков тысячелетий. Если до настоящего времени, точно не определены области, где появились первые люди, то уже вполне установлено, что зоны очеловеченья лежали в экваториальной части Старого Света. В этих местах, на юге Европы и Азии и на материке Африки, человек начал свою историю, постепенно расширяя зону своего расселения по направлению к северу. Находки остатков наиболее примитивных людей, еще очень недалеко ушедших от своих обезьяноподобных предков, были сделаны на острове Ява в 1889, 1936 и 1938 гг. Примитивный человек острова Явы получил в науке наименование питекантропа, то есть обезьяно-человека. Питекантроп жил в раннечетвертичное время, около 800 000 лет тому назад.

Известные в настоящее время остатки древнейших обитателей Европы принадлежат к более позднему времени; в круглых цифрах их возраст исчисляется от полмиллиона до ста тысяч лет. На территории Испании, Франции, в южных районах Центральной Европы, а на территории СССР—в Закавказье и на территории Украины, в древних четвертичных песках и глинах встречаются расколотый кремь и орудия из кремня, имеющие вид удлинённых миндалевидной формы изделий, обработанных путем грубого обкалывания. Такие орудия археологи называют



Рис. 1.

ручными рубилами», что не вполне точно, так как этими орудиями не только рубили, держа их непосредственно в руке, но и резали, кололи, скоблили, словом это было основное и следовательно универсальное каменное орудие древнейшего обитателя Европы (рис. 1). О том, как выглядел древнейший обитатель Европы, культуру которого археологи называют нижепалеолитической (палеолит—древний каменный век), можно составить некоторое представление на основании единственной находки—человеческой челюсти, открытой в 1907 г. глубоко под землей у Мауера близ Гейдельберга в Германии. Эта челюсть по ряду признаков близка к обезьяньей, однако ее обладатель (гейдельбергский человек) был уже несколько дальше от обезьяны, чем питекантроп, найденный на острове Яве. Более полные остатки подобных же людей были найдены в Китае, около Бейпина в пещере Чжоу-Коу-Динь. Здесь, вместе с несколькими черепами и длинными костями были обнаружены грубые каменные орудия, обработанные посредством обкалывания. Человек из пещеры Чжоу-Коу-Динь получил в науке имя сизантропа, что значит китайский человек.

Природные условия южных районов Западной Европы и территории СССР в эпоху нижнего палеолита значительно отличались от современных. В эпоху появления человека в Европе климат был заметно мягче современного. Вокруг Средиземного и Черного морей росли тропические и субтропические леса, в которых бродили стада слонов, носороги, дикие лошади, огромные саблезубые тигры, наконец, в некоторых местах такие теплолюбивые животные, как бегемоты.

Но уже в ранчетвертичное время климат начал постепенно ухудшаться. Столетие за столетием, тысячелетие за тысячелетием делалось все холоднее и холоднее—наступала ледниковая эпоха—грозное и до сих пор не вполне разгаданное явление в истории земли. Исчезали тропические леса, вымирали или уходили дальше на юг теплолюбивые животные. На высоких местах в горных районах начало скапливаться огромное количество нетающего снега и льда, который со временем начал сползать вниз в долины и толстым слоем покрывал землю.

Центром Европейского оледенения служил Скандинавский полуостров. В доледниковое время на месте Скандинавии, Финляндии и Карелии располагался высокий горный массив, вершины которого, вероятно, были покрыты вечным снегом. В ледниковую эпоху отсюда начали спускаться огромные ледники. На своем пути они дробили скалы, растирали в песок граниты и гнейсы и все это влекли вместе с собой на юг. Эта гигантская работа проделывалась льдом не сразу, а в течение долгих тысячелетий. Ледники меньшего размера спускались к подножьям Альп, Пиренеев, Кавказского хребта и Урала. В общей сложности до половины территория Европы была покрыта льдом, толщина которого по расчетам некоторых ученых достигала двух и более километров (рис. 2).



Рис. 2.

Причина оледенения Европы, как уже указывалось, до сих пор не разгадана. Некоторые ученые предполагают, что причины похолодания земли в четвертичное время являлись результатом временного уменьшения тепла, посылаемого солнцем вследствие особых процессов, происходивших на его поверхности; другие ищут причины оледенения на земле, связывая похолодание Европы с теми энергичными горообразовательными процессами, которые претерпевала земля в течение третичного времени. Последнее предположение за последнее время находит все более и более последователей.

Ухудшение природных условий, перемена в характере фауны и флоры и другие явления ледникового времени не устрешили первобытных обитателей Европы, которые не только не двинулись на юг вслед за теплолюбивыми животными и субтропическими лесами, а наоборот начали более энергичное движение к северу навстречу леднику, очень скоро заняв значительную часть свободного от льда пространства.

В эпоху среднего палеолита (50 000 лет назад), когда даже южные зоны Европы походили на современные приполярные области, люди расселились не только по Закавказью, но и по Северному Кавказу, и в Крыму и даже в южном и среднем течении Дона. Спасаясь от холодов, люди избирали для своего жительства пещеры, в которых все время горел огонь и в которых протекала значительная часть их жизни. При раскопках пещер с

культурными слоями эпохи среднего палеолита кроме каменных изделий, уже более совершенных, чем „ручные рубила“, встречаются в большом числе остатки охотничьей добычи древних людей—кости животных, населявших Европу в ледниковое время. Это были совсем особые животные, мало похожие на современные; наряду с ними имела место уже и фауна нашего времени.

Очень распространенным животным ледникового времени был мамонт—огромный полярный слон, покрытый густой длинной шерстью и вооруженный массивными клыками (рис. 3). Мамон-

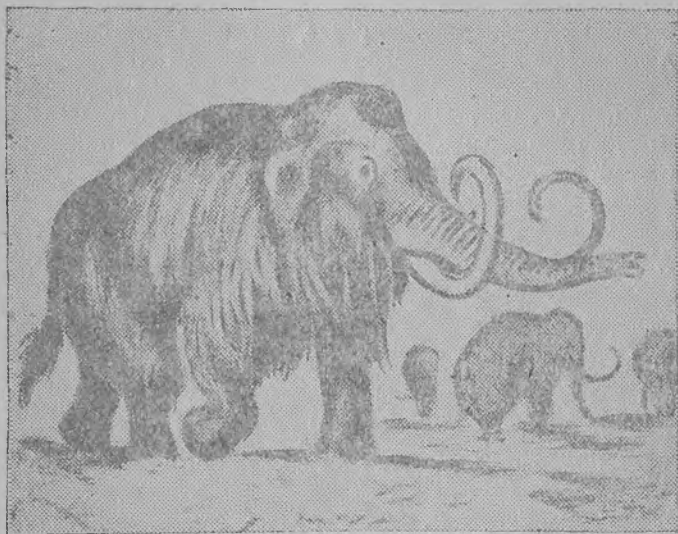


Рис. 3.

ту сопутствовал другой гигант древней полярной фауны—шерстистый носорог. Вместе с ними древней охотников служили многие животные, до сего времени живущие в северных широтах—песец, заяц, северный олень и др.

Среди пещер среднепалеолитического времени особой известностью пользуется пещера Киик-Коба в Крыму, где были найдены остатки очагов, каменные орудия (рис. 4), кости животных, а также кости самого человека, который повидимому был похоронен здесь же в пещере. За последние годы в Узбекистане в пещере Тешик-Таш, где было также открыто много культурных остатков среднепалеолитического времени, удалось найти целый скелет человека—ребенка 8 лет, по антропологическим признакам относящегося к типу неандертальских людей, известных по ряду среднепалеолитических находок в Западной

* Антропология—наука о развитии физического типа человека.



Рис. 4.

Европе. Свое название неандертальские люди получили от первой находки, сделанной в долине Неандерталь в Германии. В отличие от современного человека неандерталец имел невысокий рост, несколько искривленный позвоночник, ходил на чуть



Рис. 5.

согнутых ногах, имел покатый лоб и небольшой объем мозга (рис. 5). По сравнению же с питекантропом и гейдельбергским человеком неандерталец обнаруживает огромный шаг вперед на пути развития физического типа человека.

В конце ледникового времени, когда граница оледенения начала постепенно отодвигаться на север, вслед за ней двинулись на север и первобытные люди. Следы поселений людей

этого времени, называемого археологами верхним палеолитом (30--15 тысяч лет тому назад), в большом числе известны в среднем течении Днепра, на Десне, в среднем течении Дона, в Южном Урале, наконец, далеко в Сибири, около Иркутска и Красноярска. Культура людей верхнего палеолита далеко ушла вперед по сравнению с культурой людей нижнего и среднего палеолита. Они владели искусством строить большие прочные жилища, в виде землянок, углубленных в землю. Остатки таких землянок с очагами и ямами для хранения припасов были встречены в с. Костенках и Гагарине на Дону, в Пушкарях на Десне и в некоторых других пунктах, исследованных советскими археологами за последнее время (рис. 6). Обитатели этих землянок были

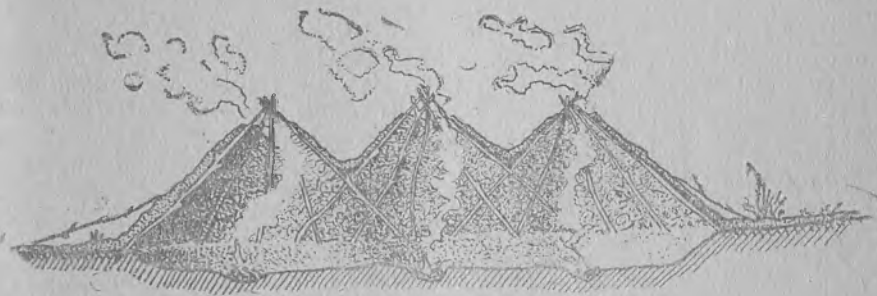


Рис. 6.

уже вооружены довольно искусно сделанными каменными и костяными орудиями разнообразных форм и назначения. Здесь были ножи, различные острия, резцы, наконечники копий и т. д. (рис. 7).

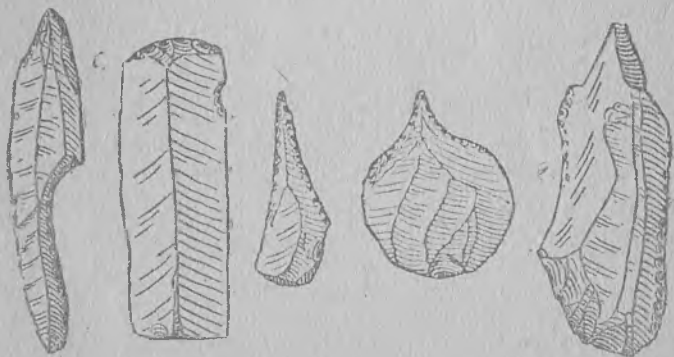


Рис. 7.

Усложнилась и духовная жизнь первобытных охотников, о чем говорят постоянно находимые предметы культового назначения и первобытного искусства. Среди них укажем на изображения птиц и животных, в том числе мамонта, на фигурки женщин, вырезанные из кости, наконец, на многочисленные знаки,

нацарапанные на кости или камне, или нанесенные с помощью краски,—значение которых остается неизвестным.

Наиболее северным на территории Европейской части СССР и ближайшим к Чувашской республике местонахождением остатков верхнепалеолитического возраста является Карачаровская стоянка на Оке, около г. Мурома, исследованная в 1877 г. При раскопках там были встречены скопления костей мамонта и носорога, а также ряд орудий из кремня. Несомненно, что людям верхнего палеолита была известна и Волга, однако до недавнего времени все попытки обнаружить на Волге их следы оканчивались неудачей. Лишь в последние годы была сделана находка, говорящая о жизни верхнепалеолитических охотников на этой реке.

На территории нашей республики около дер. Улянкя (Уразлино), близ Янтикова, были встречены в значительном числе кости ископаемых животных, в том числе мамонта. Выехавший на место находок археолог А. Я. Брюсов обнаружил здесь по правому берегу речки Соломинки, притока Уты, впадающей в Кубню, в овраге Сель-сирми кости ископаемых животных, залегающие на глубине до 5 м. Там же были обнаружены остатки кострища, где кроме угольков и мелких сгнивших костей встречены кости лошади, северного оленя, быка (?) и суслика. Никаких определенных следов пребывания человека, например, каменных орудий или остатков их изготовления в виде осколков камня, здесь не встречено, однако, небольшие размеры кострища и его характер исключает возможность видеть в нем, скажем остатки лесного пожара. Вероятнее всего, что здесь обнаружены следы относительно кратковременного пребывания группы палеолитических охотников, охотничий лагерь, кроме которого у этой группы людей был и постоянный поселок, где выделялись каменные орудия, где были жилища, где текла постоянная жизнь.

3

Великое оледенение Европы закончилось около 15 000 лет тому назад. Огромные пространства севера освободились от льда и, вероятно, долгое время были заняты хаотическими нагромождениями песка, глины и камня, между которыми повсюду виднелись впадины, наполненные водой. Постепенно рельеф сгладился, и поверхность земли покрылась растительностью. Вслед за этим на севере появился животный мир, прилетели птицы; реки и озера заполнились рыбой. Двинулся на север и первобытный человек, очень скоро достигший побережья не только Балтийского моря, но и Ледовитого океана.

История заселения человеком освободившейся от ледника северной половины Европы почти совершенно не изучена. Остается неизвестным, когда и в какой поледовательности осваивали первобытные племена новые земли и по каким путям они двигались.

Бессспорно лишь, что последним веком времени явилось одним из важнейших периодов древней истории европейского и азиатского человечества. Осваивая новые территории, различные по своим естественным особенностям, люди далеко шагнули вперед, подготовив переход на более высокую ступень социального и культурного развития.

Все предыдущее развитие европейского и азиатского человечества протекало в пределах одной культурной эпохи, которую Ф. Энгельс, вслед за Л. Морганом, называл эпохой дикости.

„...дикость—период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; искусственные произведения человека служат главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения“.* Люди эпохи дикости занимались собирательством съедобных корней, плодов, моллюсков и главным образом охотой. На последней, высшей ступени дикости, совпавшей в Европе с послеледниковым временем, среди охотничьего оружия первобытных охотников появились лук со стрелами, бывшие для дикого состояния „таким же решающим оружием, каким железный меч был для варварства и огнестрельное оружие для цивилизации“.** Нет сомнения, что появление лука, сделавшего охоту более продуктивной, сыграло огромную роль в переходе первобытного человечества на новую ступень социального и культурного развития, называемую эпохой варварства. „Варварство—период введения скотоводства и земледелия, период, когда обучают способам, как с помощью человеческой деятельности увеличить производство продуктов природы“.***

На территории СССР первые земледельческо-скотоводческие племена появились около начала третьего тысячелетия до н. э. (5 000 лет тому назад) в южных районах страны: в области Среднего Поднепровья, в Закавказье и в некоторых районах Средней Азии. Вся остальная масса первобытного населения нашей страны в III тысячелетии до н. э. сохраняла старые формы хозяйства—охоту, собирательство и рыболовство, которое в эту эпоху получает особенно широкое распространение. Однако и эти охотничье-рыболовецкие племена в своей культуре обнаруживали целый ряд таких особенностей, которые заставляют рассматривать их, как племена, если не вполне варварские, то во всяком случае, как племена, вступающие в эпоху варварства.

Одним из руководящих признаков низшей ступени варварства Ф. Энгельс считает глиняную посуду, неизвестную в эпоху дикости.**** Охотничье-рыболовецкие племена центральных и северных областей территории СССР в III тысячелетии до н. э. повсеместно употребляли глиняную посуду, украшая ее обычно

* Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения XVI, ч. 1, 1937 г., стр. 14.

** Там же, стр. 10—11.

*** Там же, стр. 14.

**** Там же, стр. 11.

богатой и разнообразной орнаментацией. Далее, эти племена достигли очень высокого совершенства в деле изготовления каменных орудий. Появившиеся еще в конце эпохи дикости полированные каменные орудия прочно вошли в обиход. Это были разных форм топоры, долота, стамески и другие, главным образом, древообделочные инструменты. Более мелкие орудия: наконечники стрел и копий, скребки, ножи, всевозможные острия и т. д., продолжали изготавливаться из кремня, без полировки, но настолько искусно, что их нельзя и сравнивать с грубыми орудиями предыдущих эпох. Культуру этой эпохи археологи называют неолитом, что значит новый каменный век. Кроме каменных орудий, большое распространение имели изделия из кости и рога и, наконец, из дерева. Деревянные вещи того времени нам известны по находкам в торфяниках, где дерево в возрасте нескольких тысячелетий очень хорошо сохраняется до нашего времени. Наконец, эти охотничье-рыболовческие племена делали первые попытки одомашнения диких животных, о чем говорит широкое распространение скотоводства в центральных областях территории СССР уже в начале II тысячелетия до н. э.

Следы пребывания неолитического человека на территории Чувашской республики очень многочисленны.

Охотничье-рыболовческие племена устраивали свои поселения преимущественно по берегам рек, особенно там, где имелась широкая пойма, избегая водоразделов, занятых отчасти лесами, отчасти степью. В богатых водой поймах, заросших камышом, ивняком и мелколесьем, держался животный мир: кабаны, лоси, косули, олени. Здесь же гнездилась водяная птица: утки, гуси, журавли, разные виды куликов и т. д. Наконец, здесь можно было ловить рыбу. Словом в этих местах, богатых водой, было сосредоточено все то, что требовалось от природы неолитическому человеку. Свои поселения люди устраивали обычно на сухих песчаных возвышенностях дюнного происхождения или на краю надпойменной террасы.

Особенно излюбленными местами поселений являлись берега небольших рек. На первый взгляд это обстоятельство представляется непонятным, однако, в свете изучения древних форм рыболовства, она получает исчерпывающее объяснение. Оказывается, древним рыболовам было значительно проще ловить рыбу на небольших речках. Они перегораживали реки "заколами" и сетями, сооружали в мелководье разного рода ловушки, били рыбу острогой. Рыболовство на крупной реке, например на Волге, требовало более совершенных орудий лова—крупных сетей, хороших лодок и т. д., чего еще не было в распоряжении неолитического человека.

Исследование неолитических памятников на территории Европы и Азии и изучение некоторых примитивных народов XVIII—XIX столетий, сохранивших неолитические черты быта, показывает, что развитой каменный век повсеместно совпадает с

временем расцвета родовых отношений и первобытно-общинного строя. Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку. Чтобы собрать плоды в лесу, наловить рыбу в воде, построить какое-либо жилище, люди вынуждены работать сообща, если они не хотят стать жертвой голодной смерти, хищных животных или соседних обществ. Общий труд ведет к общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Здесь не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплуатации, нет классов*.*

На средней ступени варварства, в период меди и бронзы, когда скотоводство и земледелие получают широкое распространение, отдельный человек становится более сильным перед лицом природы. Первобытно-общинный строй и родовая организация первобытного общества, как мы видим ниже, вступают в эту эпоху на нисходящую линию своего развития, постепенно теряя свои характерные черты.

Целый ряд поселков неолитических рыболовов-охотников находился в южном течении р. Суры. Между Ядриным и д. Иваньково (в 15 км ниже Ядрина) вдоль левого берега Суры лежит широкая низменность, заполненная многочисленными озерами и старицами реки, соединенными с Сурой небольшими протоками—место чрезвычайно удобное для первобытного рыболовства. Вдоль этой низменности мимо д. Никитиной тянется большое число дюнных всхолмлений, на поверхности которых встречаются обломки древней глиняной посуды, изделия из кремня и в особенности следы изготовления последних в виде многочисленных отщепов и осколков кремня.

В 1927 г. экспедицией проф. П. П. Ефименко здесь было найдено большое число тонких ножевидных пластин из кремня, скребочки и наконечники стрел (рис. 8).

Благодаря развеенности и размытости дюн, все известные неолитические стоянки в районе Ядрина имеют плохую сохранность. Культурные наслоения здесь уже давно разрушены ветром и водой.

Нет сомнения, что и в других местах по р. Суре, не подвергшаяся обследованию, также имеются многочисленные следы неолитических поселений.

Значительно больше известно о неолитических поселениях нижнего и среднего течения р. Цивиль.

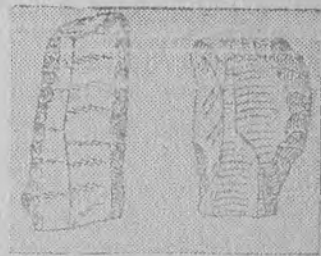


Рис. 8.

* И. В. Сталин, О диалектическом и историческом материализме. Вопросы Ленинизма, 11-е изд., 1939 г., стр. 555.

Во время археологических обследований 1926 г. В. Ф. Смолиным на участке г. Цивильск—устье Цивилия было обнаружено четыре пункта с находками обломков древней глиняной посуды, украшенной орнаментом из отпечатков „гребенчатого“ штампа, и изделий из кремня и камня. Особенно обильные находки были сделаны у дер. Ивановой, выше устья Цивилия на берегу Воложки, что отделяет от берега остров Казин и у д. Ердово при впадении р. Рыкши в Цивиль (1 км от д. Ердово).

Как и в низовьях Суры, большая часть мест неолитических поселений на Цивиле сильно разрушена деятельностью ветра и талых вод. Однако, здесь оказалось несколько пунктов с целостными культурными наслоениями, на которых проф. П. П. Ефименко в 1927 г. произвел небольшие раскопки.

Первым таким памятником явилась стоянка на левом берегу Цивилия около с. Яндашева. Если идти из Яндашева к переправе через Цивиль, ведущей к Мариинскому Посаду, то около самой переправы по правую сторону от дороги заметно небольшое плоское возвышение, сложенное не из песка, а из глины и суглинка. Последнее обстоятельство, несомненно, и явилось причиной того, что следы древнего поселения не были разрушены временем.

На всей площади возвышения, размеры которой составляют около 3000 кв. м, под дерном залегает темный слой земли, толщиной до 0,50 м, содержащий мелкие угольки и кусочки пережженных костей, осколки кремня и кремневые изделия, наконец, в небольшом числе мелкие обломки глиняной посуды. Особенно много было встречено изделий из кремня, часть которых еще не была закончена обработкой. Проф. П. П. Ефименко предполагает, что на этом месте было не только поселение, но и целая мастерская неолитического времени.

Каменные орудия Яндашевской стоянки, однако, не очень разнообразны. Здесь имеются многочисленные скребки разных форм, служившие для обработки кожи, кости и дерева, и обломки наконечников стрел. В. Ф. Смолиным в 1925 г. здесь были найдены обломки каменных долот и глиняной посуды, украшенной по поверхности рядами круглых и овальных ямок и отпечатков зубчатого штампа (рис. 9).

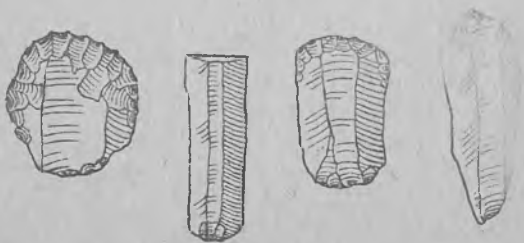


Рис. 9.

Два других памятника, подвергшихся раскопкам в 1926—1927 гг., находятся около Цивильска в местности „Шелом“ и близ старой пристани. В обоих пунктах найдены как каменные орудия, так и следы их изготовления в виде осколков кремня. Из изделий отметим большой кремневый наконечник, копьей или дротика (рис. 10), грубые скребки и острия.

Последнее древнее поселение людей неолитического времени, на котором следует специально остановиться, находится на берегу Волги слева от устья р. Аниш, на известной Криушинской дюне. Оно превосходит все остальные по своим размерам и представляет собой, по видимому, не одно, а целый ряд древних поселений, частью разновременных, расположенных в непосредственной близости друг с другом.

Дюна у д. Криуши тянется более чем 1,5 км вдоль берега одного из русел Волги, имеющей здесь в середине большой остров. Как мы увидим ниже, Криушинская дюна является совершенно исключительным памятником, так как, кажется, не было эпохи, когда здесь не жили бы люди. На дюне имеются следы неолитических поселений, поселения эпохи бронзы, поселения и могильник начала I тысячелетия н. э., остатки поселка болгарской эпохи и т. д. К сожалению, подобно всем другим дюнам Чувашского Поволжья, Криушинская дюна сильно разрушена ветром и незначительные остатки культурных наслоений на ней сохранились лишь в некоторых местах. Вся поверхность обнаженной песчаной поверхности дюны усыпана черепками глиняной посуды самого различного времени, кремневыми осколками и изделиями и т. д.

Культурный слой неолитического времени связывается на Криушинской дюне с горизонтом красноватого песка, лежащего ниже погребенного почвенного слоя. Это обстоятельство говорит о значительной древности памятника, относящегося, вероятно, к раннему неолиту. Об этом же говорит и отсутствие древней глиняной посуды, хотя быть может последняя просто не сохранилась в условиях дюны, как это нередко бывает.

Кремневые изделия неолитического возраста, происходящие с Криушинской дюны, очень разнообразны (рис. 11). Здесь найдены топоры и долота, кремневые ножи, обломки наконечников копий и дротиков, наконечник стрелы, разные виды скребков, служивших для обработки дерева, кости, рога, выделки шкур и т. д. Архаичными формами изделий являются кремневые резцы, найденные, правда, в небольшом числе. Орудия этого типа были очень распространены в верхнем палеолите и исчезли в течение раннего неолита. Наконец, обращают на себя внимание многочисленные кремневые пластинки с правильными гранями и острыми краями. Как показал ряд находок, происходящих из



Рис. 10.



Рис. 11.

разных районов Европейской части СССР, такие пластинки употреблялись в виде вкладышей, то есть служили лезвиями у орудий, изготовленных из кости или дерева. Разные типы костяных вкладышевых орудий изображены на рис. 12. Особенно распространенными были вкладышевые орудия в эпоху раннего неолита у племен степной части территории СССР, нередко встречаясь и у племен лесной зоны.

Наконец, следует еще указать на многочисленные находки вещей неолитического времени, происходящие из разных районов республики. Подавляющее число таких вещей, найденных при земляных или сельскохозяйственных работах, было сделано несомненно на площади древних поселений, аналогичных опи-

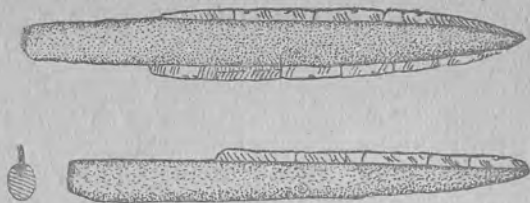


Рис. 12.

самым выше. Наряду с ними здесь имеются вещи, встречаемые изолировано, вероятно утерянные, брошенные или спрятанные в древности их владельцами. Среди них имеется ряд вещей очень хорошего качества, интересных как образцы орудий труда, употреблявшихся в III тысячелетии до н. э., то есть пять тысяч лет назад (рис. 13). Особо нужно отметить среди

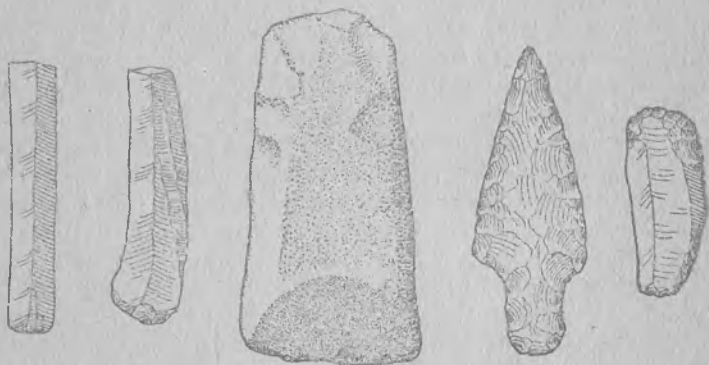


Рис. 13.

них кремневые наконечники копий и стрел, обычно листовидной формы или с выделенным черенком. Часть крупных наконечников, возможно, служила в качестве кинжалов. Вторую большую группу вещей, происходящих из случайных находок, составляют каменные клиновидные топоры и долота; лезвия последних нередко бывают полукруглые. Мы не останавливаемся здесь подробно на всех этих вещах потому, что часть из них принадлежит уже не эпохе неолита, а последующему периоду бронзы, когда каменные орудия долгое время употреблялись вместе с металлическими. К какому времени относится тот или иной предмет, скажем топор или наконечник стрелы, по изолированным находкам решать далеко не всегда возможно.

ПЛЕМЕНА ЧУВАШСКОГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОМ
ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

1

К началу второго тысячелетия до н. э. процесс формирования племен с варварским строем производства и быта заканчивается почти на всей территории СССР. Скотоводство и земледелие, известные ранее лишь в некоторых местах и в общей сложности игравшие очень большую роль в жизни древних племен нашей страны, с начала второго тысячелетия до н. э. повсюду становятся господствующими формами хозяйственной деятельности. Некоторое исключение составляли лишь племена северных районов лесной зоны и области тундры, где охота и рыболовство долгое время продолжали быть основой экономики и где во II тысячелетии до н. э. начали появляться лишь оленеводство и собаководство.

Новые формы производства не могли не породить новых форм быта, культуры и общественных отношений. В эпоху присвояющего хозяйства, при охоте и рыбной ловле, когда человек пользовался „готовыми продуктами природы“, естественная среда очень сильно влияла на облик культуры, часто определяя ее характер. Превратясь в скотовода и земледельца, человек сделал крупный шаг вперед в деле подчинения себе естественной среды. Его культура начала зависеть в большей степени не от окружающей природы, а от иных, уже исторических условий, от новой экономики, созданной человеком—в добавление к тому, что он мог получить от природы ранее. Жизнь сделалась более сложной и многообразной.

Особенно наглядно выявляются новые условия жизни древнего населения территории СССР, если рассмотреть их в связи с крупнейшим историческим событием этой эпохи с выделением эпохи скотоводческих племен из общей массы варваров. Не только в области степи, но и в других местах, пригодных для развития скотоводства, многие племена превратились в скотоводов. В результате обособления скотоводов была нарушена древняя основа натурального хозяйства. Соседям скотоводов стало выгоднее часть своих продуктов обменивать на скот, нежели самим разводить домашних животных. Возникает первое общественное разделение труда в крупных масштабах, которое Ф. Энгельс называл первым крупным общественным разделением труда.* Таким образом, в одинаковых природных условиях, на одной территории в эту эпоху нередко обитали племена с различным хозяйством и разным обликом культуры.

Другим важнейшим моментом в жизни варварских племен Европейской части СССР второго тысячелетия до н. э. было

*Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 135.

распространение медных и бронзовых орудий. В отличие от камня и кости, которые встречались повсюду, металлы имелись лишь в некоторых областях: на Урале, в Казахстане и на Кавказе. Из этих мест металл и металлические изделия распространялись путем обмена. Понятно, что в данных условиях одни племена были больше обеспечены металлом, другие меньше. Это обстоятельство также серьезно отражалось на облике культуры различных племен. Время распространения древних металлических орудий называется в археологии эпохой бронзы.

Технический эффект металлических орудий был первоначально очень небольшим вследствие того, что первый металл—медь—не отличался твердостью и далеко не всегда мог конкурировать с камнем. Несмотря на это обстоятельство, медь все же приобрела всеобщую популярность, так как из нее стали изготавливать украшения, столь любимые в эпоху варварства. Позднее, но уже в начале второго тысячелетия до н. э. вместо меди начали употреблять бронзу—сплав меди с оловом—материал значительной твердости. На территории Европейской части СССР период бронзы охватывает второе и начало первого тысячелетия до н. э.

Параллельно развитию обмена, росло число военных столкновений. Когда люди жили охотой и рыбной ловлей, все их богатство, кроме жилища и утвари, составляли орудия производства. При скотоводстве и земледелии впервые появилось богатство в виде домашнего скота и запасов хлеба. Металлические изделия также составляли большую ценность. Все это, стоившее большого труда, можно было отнять силой у своих соседей. Грабеж и война становятся поэтому одной из характерных черт эпохи.

Изменения в формах хозяйства, технике и междуплеменных отношениях не могли не вызвать и соответствующих изменений во внутренней жизни варварских племен. Ф. Энгельс в своей работе „Происхождение семьи, частной собственности и государства“ прекрасно показывает, как на средней ступени варварства вместе с развитием собственности на скот и другие ценности древние матриархальные порядки родового строя сменяются патриархальными и как вместо рода основную роль в общественной и экономической жизни начинает играть патриархальная семья. „Промысел всегда был делом мужчины, — заключает Ф. Энгельс, — средства для промысла изготавливались им и были его собственностью. Стада были новыми промысловыми средствами, их первоначальное приручение и дальнейший уход за ними—дело мужчины. Поэтому скот принадлежал ему; ему же принадлежали и полученные в обмен на скот товары и рыбы. Весь избыток, который теперь давал промысел, доставался мужчине; женщина участвовала в потреблении его, но не имела доли в собственности. „Дикий“ воин и охотник довольствовался в доме вторым местом после женщины, „более кроткий“ пастух, гордясь своим богатством, выдви-

жился на первое место, а женщину оттеснил на второе. И она не могла жаловаться. Разделение труда в семье служило основанием для распределения собственности между мужчиной и женщиной; оно осталось неизменным и, тем не менее, оно совершенно перевернуло существовавшие до того домашние отношения исключительно потому, что разделение труда вне семьи стало другим. Та самая причина, которая обеспечивала женщине ее прежнее господство в доме—ограничение ее труда работой по дому,—эта самая причина теперь утверждала господство мужины в доме: домашняя работа женщины утратила теперь свое значение по сравнению с промысловым трудом мужчины; его труд был всем, ее работа—незначительным придатком*.

„С утверждением фактического господства мужчины в доме пали последние преграды к его единовластию. Это единовластие было подтверждено и увековечено падением материнского права, введением отцовского права, постепенным переходом от парного брака к моногамии. Но это создало трещину в древнем родовом строе: отдельная семья сделалась силой, и притом грозной силой, противостоявшей роду“.*

Конкретная история племен Европейской части СССР во всей ее сложности и многообразии в настоящее время еще далеко не изучена. Необходимо произвести еще немало археологических раскопок, прежде чем будет понята и объяснена сложная эпоха второго тысячелетия до н. э. Несомненно лишь, что в течение этой эпохи, в результате появления новых форм производства, новых внутриплеменных и межплеменных отношений, развития обмена и т. д. впервые возникают обширные объединения племен, со временем приобретающие однородный характер культуры во всех ее проявлениях.

Основную роль в этом процессе сыграл несомненно все более и более развивающийся обмен. Не меньшее значение имели и военные столкновения. Некоторые племена объединились, чтобы нападать сообща или дать отпор общему врагу. Враждующие племена захватывали друг у друга пленных, особенно женщин, что как это ни странно на первый взгляд, так же способствовало культурному сближению этих враждебных племен. С течением времени эта близость все более и более росла. Племенные объединения второго тысячелетия до н. э. следует рассматривать, как первый шаг на пути развития процесса этногонии, приведшего в конце концов к возникновению современных народов.

2

Одна из древних племенных групп Европейской части СССР была связана с территорией Верхнего Поволжья. По Волге и ее притокам во втором тысячелетии до н. э. в окружении рыболовно-охотничьих племен появились скотоводческие племена,

* Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 137—138.

оставившие нам свои кладбища, получившие в науке название фатьяновских, по имени д. Фатьяново Ярославской обл., где был открыт первый могильник этого типа.

Фатьяновские могильники располагаются обычно на высоких местах и не имеют сейчас никаких внешних признаков. Люди хоронили своих умерших в глубоких могилах, клали их на боку с подогнутыми ногами. Согласно древним представлениям о загробном мире в могилу клались различные вещи: каменные, костяные, реже бронзовые орудия, костяные украшения и глиняные сосуды. По остаткам пищи, находимой в могиле, стало известно, что люди этого времени разводили свиней, овец и коров, не порвав еще и со старыми формами хозяйства — охотой и рыбной ловлей.

До последнего времени предполагалось, что крайним юго-восточным пунктом распространения фатьяновских могильников является устье р. Оки, где находится известный Чуркинский могильник. Однако в 1930 г. погребение фатьяновского типа было открыто в кургане у д. Атли-касы, Ядринского района Чувашской республики; а в 1933 г. большой могильник был обнаружен около Козловки, у д. Баланово. Таким образом выяснилось, что в северных районах Чувашской республики в середине второго тысячелетия до н. э. обитали племена по своей культуре, если не вполне одинаковые племенам Верхней Волги, то во всяком случае им родственные.

Во время археологических работ 1930 г. в Ядринском районе Чувашской республики на водораздельном плато, примыкающем к правому берегу Суры, было открыто большое количество курганов, расположенных на высоких местах небольшими группами — по две, по три насыпи. Были произведены раскопки одного из трех курганов, расположенных на водоразделе рек Чепарки и Лючкауша, притоков Суры и Вылы, между д.д. Атли-касы, М. Шемердяново, Янгиреево и с. Балдаевым. Курганы находились в 80—100 м. один от другого: два из них сильно распаханы. В одном из распаханных курганов диаметром 15 м, выс. 1,10 м встречено единственное погребение на уровне почвы под юго-восточной частью насыпи.

Кости сохранились очень плохо, но видно, что умерший лежал с подогнутыми ногами. Около головы погребенного найден небольшой клиновидный топорик, изготовленный из серого кремня и большой кусок вару (смола), употреблявшегося, вероятно, для прикрепления стрел к древкам. Рядом со скелетом, с той стороны, куда обращены колени, стояли четыре глиняных сосуда округлой формы с высокой прямой шейкой. Здесь же оказался обломанный наконечник стрелы.

Все четыре сосуда походят один на другой. Они вылеплены из хорошей глины, имеют гладкую вылощенную поверхность и орнаментированы геометрическим узором из отпечатков штампа в виде тонкого гребешка (рис. 15).

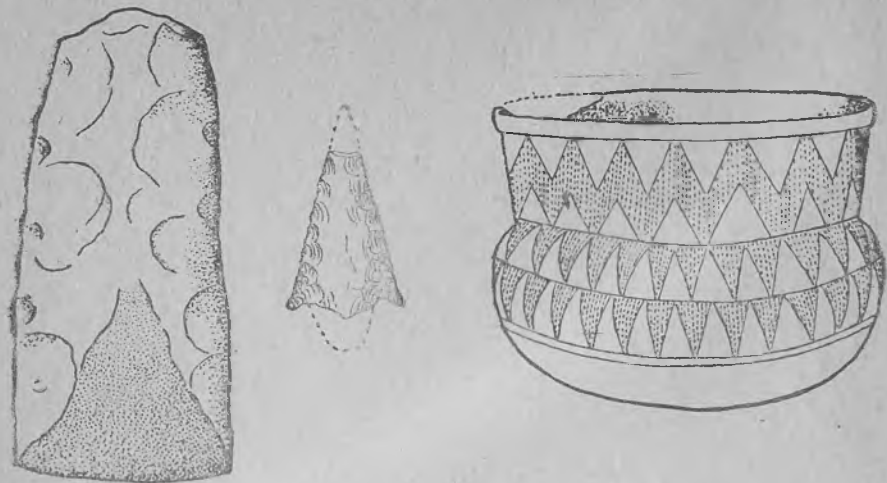


Рис. 14.

Композиция орнамента посуды из кургана у д. Атли-касы отличается от фатьяновской, по форме сосудов, состав глины и характер выделки—вполне идентичны керамике фатьяновских погребений. Вполне соответствует им и характер других находок. Выше уже говорилось о том, что изделия из металла в фатьяновских погребениях встречаются очень редко. Орудия, находимые в них, изготовлены из камня.

Курган у д. Атли-касы является, повидимому, не единственным памятником такого характера. Благодаря расположению на уровне земли, а не в могилах, при распашке улап-тәпри жители Ядринского района делают многочисленные находки. В нескольких пунктах были найдены каменные орудия, в одном случае горшок, далее медный (?) молоток и бедренные кости. Около д. Чемерданы найдены черепки разбитых горшков и часть сверленного каменного молотка. Последняя находка еще больше сближает эти памятники с фатьяновскими погребениями.

Могильник у д. Баланово сближается с фатьяновскими не только по характеру находок, но и по обряду погребения, чего нельзя сказать о курганах Ядринского района.

Могильник был обнаружен в 1933 г. сотрудниками Центрального Чувашского музея и Научно-исследовательского института, при осмотре песчаного карьера и в 1933 году подвергся предварительным раскопкам. При исследовании могильника было открыто шесть погребений, из них трое содержали по одному скелету. Одно—два и два—по четыре скелета. Дальнейшие раскопки были произведены О. Н. Бадером в 1935 и 1936 гг. На площади свыше 500 кв. метров было открыто 16 могил, содержащих в общей сложности около 25 погребений, сопро-



Рис. 15.

всегдаемых богатым инвентарем: глиняными сосудами, орудиями из камня и бронзы и украшениями из кости и металла.

Для устройства могильника был выбран невысокий холм, расположенный в стороне от реки на высоте водораздела. Умершие погребались в глубоких ямах, причем в могилы их клали на боку с поджатыми руками и ногами, или, как говорят археологи, в скорченном положении. В большинстве случаев в одной могиле совершалось одно захоронение, но некоторые могилы содержали по несколько скелетов, принадлежащих, повидимому, людям, умершим в одно и то же время. Последнее, впрочем, представляет собой спорный вопрос. Раскопками было установлено, что могилы были по стенкам обложены деревом и не засыпались землей, а перекрывались бревнами. В данных условиях большие могилы, вероятно семейные усыпальницы, могли служить местом захоронения людей, умерших в разное время. В этом случае могилы вскрывались при каждом новом захоронении. Впоследствии, когда деревянное перекрытие сгнило, могилы заполнились землей.

Каждое погребение Балановского могильника содержало какие-либо вещи. Особенно много встречено глиняных сосудов, найденных по несколько штук в одной могиле и напоминающих посуду из кургана у дер. Атли-касы. Другими словами—сосуды круглодонны, имеют шаровидное тело и невысокую шейку. В верхней части, по шейке и по плечикам почти все сосуды имеют орнамент геометрического характера. Всего в коллекции находок из Балановского могильника имеется свыше 70 таких сосудов.

Также постоянной находкой являлись каменные топоры двух типов: шлифованные клиновидные из кремня и булавообразные с отверстием для прикрепления к рукояти. Топоры первого типа поражают совершенством обработки лезвия. Такие орудия несомненно очень долго могли конкурировать с медными и бронзовыми. Они употреблялись, главным образом, как орудия обработки дерева. Топоры второго типа производственного значения иметь не могли. Ими нельзя было ни рубить, ни колоть. Они служили, вероятно, как булавы, являясь первым оружием, выделившимся в эпоху варварства из прочего хозяйственного инвентаря. Кроме топоров в могилах найдены кремневые наконечники стрел, скребки и ножевидные пластинки.

Металлические изделия встречены в небольшом количестве, причем все они изготовлены из меди. В некоторых погребениях оказались небольшие четырехгранные шилья, употреблявшиеся, вероятно, для различных хозяйственных целей, в других встречены небольшие спиральные колечки, прикреплявшиеся к головному убору по обеим сторонам головы. В женских погребениях были также целые ожерелья из небольших медных трубочек-пронизок. Самой интересной находкой является медный наконечник копья, изготовленный путем отливки с последующей холодной ковкой (рис. 16).

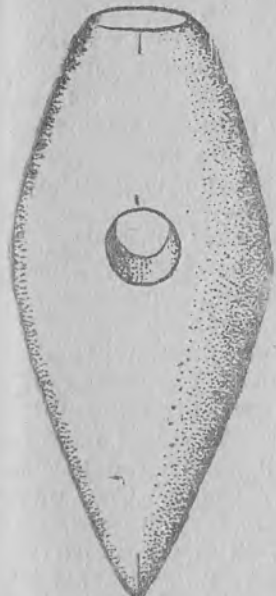
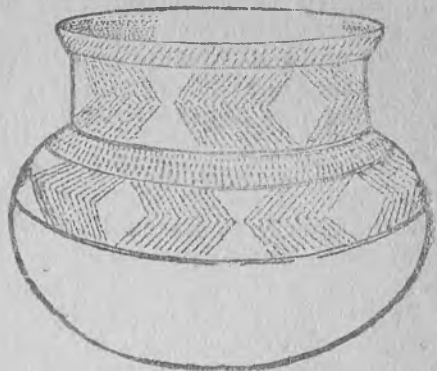


Рис. 16.

Осталось непонятным назначение двух костяных пластинок, найденных у кистей рук двух погребенных. Они имеют дырочки для прикрепления и по наружной поверхности покрыты линиями, близко напоминающими знаки, наносимые на бирки—счетные дощечки, имевшие широкое применение до распространения грамотности.

С фатьяновскими племенами Верхнего Поволжья население, оставившее Балановский могильник, сближается не только по характеру своей культуры, но и по физическому типу. Изуче-

ние черепов Балановского могильника, произведенное Т. А. Трофимовой (Музей антропологии Московского гос. университета) показало, что древние балановцы имели ярко выраженный европеоидный характер.

Важнейшей научной задачей в области изучения населения эпохи бронзы на территории Чувашской республики являются поиски мест обитания людей, оставивших Балановский могильник и курганы Ядринского района. Исследование мест поселений, остатков жилищ, очагов и т. д. прольет яркий свет на многие, до сих пор неизвестные стороны жизни и быта этих людей.

3

Могильник у д. Баланово и курган у д. Атли-касы, как уже упоминалось выше, относятся к началу и середине второго тысячелетия до н. э., являясь памятниками древних варварских племен, занимавшихся скотоводством, примитивным земледелием и не порвавших еще и со старыми формами хозяйства: охотой, рыбной ловлей и собирательством. Варварские племена последнего времени, второй половины второго тысячелетия до н. э., известны в Чувашской республике по курганным могильникам так называемой Абашевской культуры, получившей свое название от с. Абашева, находящегося в 20 км на юго-восток от Чебоксар, на р. Рыкше, впадающей в Цивиль.

О том, что в области Чувашского Поволжья во второй половине второго тысячелетия до н. э. обитали племена с богатой культурой эпохи бронзы можно было догадываться уже давно. При земляных и сельскохозяйственных работах на территории республики издавна делались находки разнообразных орудий из бронзы: топоров различных форм, наконечников копий, ножей, кинжалов и т. д. Некоторые из этих старых находок изображены на рис. 20, где можно видеть ножи и кинжалы, топоры и наконечники копий, долота и наконечники мотыг. Обилие бронзовых орудий свидетельствовало, что они имели широкое распространение у местных племен и что последние были обеспечены металлом, чего нельзя сказать о племенах соседних областей Верхнего Поволжья или Верхнего Поднепровья. Памятники этих племен оставались однако неизвестными благодаря отсутствию соответствующих исследований.

Первые раскопки курганов второй половины второго тысячелетия до н. э. были произведены в 1925 г. В. Ф. Смолиным около с. Абашева, где имелось свыше десяти распычатых насыпей, сильно попорченных распахкой. Средняя высота курганов около 1 м, диаметр 15—25 м. В. Ф. Смолиным были раскопаны 3 кургана (IV, V и VI). Под насыпью каждого кургана в грунте открыто по несколько могил в виде прямоугольных ям глубиной около 0,50 м, шириной от 0,60 до 0,80 м и длиной 1,70—2,00 м. На дне каждой могилы встречены остатки одного погребения, лежащего на спине с согнутыми ногами (рис. 17).

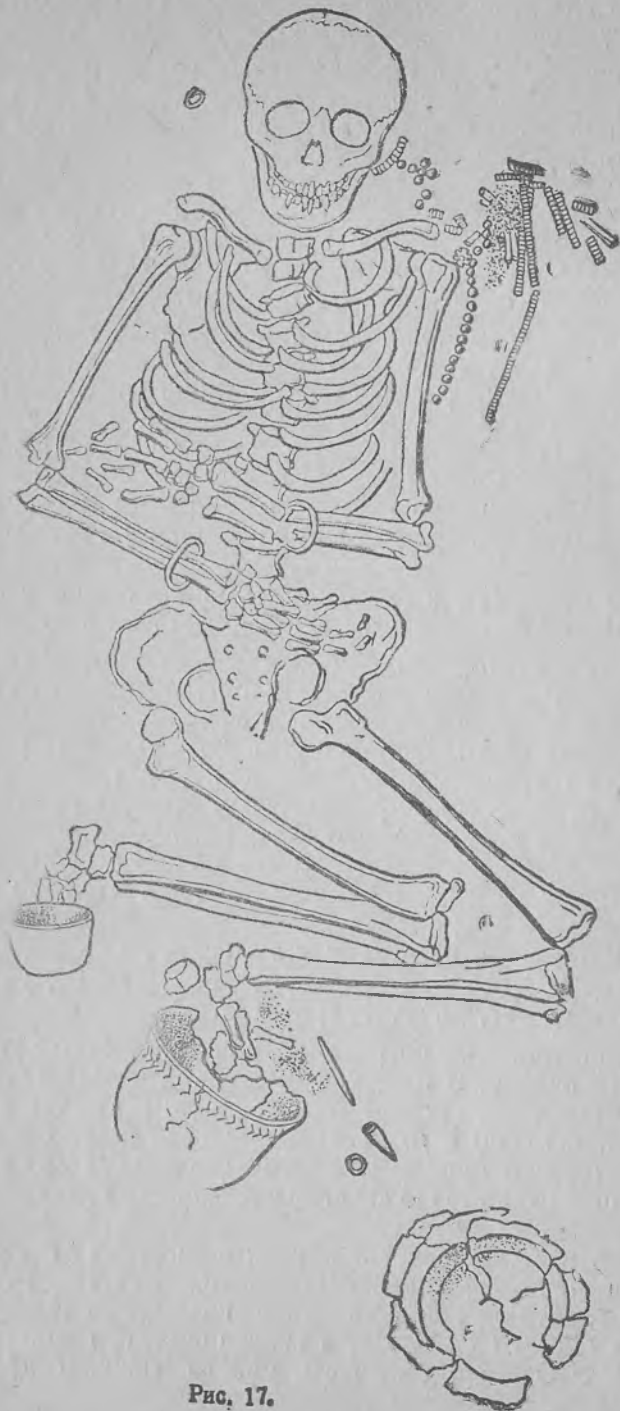


Рис. 17.

Исключение составляет погребение № 4 кургана V, где было встречено 7 скелетов, лежащих в большой могильной яме.

Не останавливаясь на исключениях и отклонениях от общего правила, объяснить которые в настоящее время трудно, можно обрисовать погребальный обряд абашевцев следующими чертами. Когда умирал кто-либо из членов рода, на родовом кладбище выкапывалась могила в виде прямоугольной ямы. На дно ее, нередко обложенное берестой, помещался умерший. Его клали на спину сильно согнув ноги, так что колени торчали вверх. Вместе с умершим в могилу ставилась глиняная посуда, с пищей (мясо и кое-какие вещи).

После того, как умерший и сопровождавшие его вещи были положены в могилу, она перекрывалась досками или бревнами, и сверху насыпалась земляная насыпь—курган. Судя по расположению скелетов нужно думать, что земли в могиле первоначально не было. Земля попала в могилу позднее, когда сгнило перекрытие. К этому времени исчезали ткани ног и большие кости падали вправо или влево. Это обстоятельство было хорошо прослежено последующими раскопками, речь о которых пойдет ниже.

Члены одной семьи хоронились под общей насыпью. С каждым новым захоронением курган несколько подсыпался.

Среди находок, происходящих из абашевских погребений, прежде всего отметим предметы убора женского костюма—разнообразные бляшки, спиральки и трубочки из бронзы, которые нашивались на головной убор и одежду. На руках женщины носили бронзовые браслеты и перстни. Украшения из металла здесь совершенно вытеснили костяные украшения, характерные для более раннего времени. Кроме бронзовых или медных украшений у абашевцев имелись и серебряные—это были небольшие колечки в полтора оборота спирали с расширенными концами.

Кроме украшения в женских погребениях встречаются иногда маленькие четырехгранные бронзовые шильца, употреблявшиеся, быть может, для татуирования.

Инвентарь мужских погребений, почти лишенных украшений, значительно беднее. В мужских могилах найдены небольшие бронзовые ножички, бронзовые рыболовные крючки и наконечники стрел, искусно изготовленные из кремня. Очевидно, несмотря на то, что бронзы было много, ее берегли, и стрелы, которые постоянно терялись, снабжались кремневыми остриями.

Обрывки одежды, сохранившиеся в могилах около бронзовых вещей благодаря консерваций их окисью меди, свидетельствуют, что материалом для одежды служила кожа и шерстяная ткань. Последняя, в свою очередь, говорит о скотоводстве. О скотоводстве же и об его важном значении го-

ворят и остатки пищи в виде костей животных: коровы, овцы, свиньи и лошади.

Интересна глиняная посуда, происходящая из абашевских курганов. Это различного размера горшки колоколовидной формы с круглым дном, маленькие сосуды в форме стаканчиков и др. Многие сосуды в верхней части украшались сложными геометрическими узорами. Разнообразие форм и размеров глиняной посуды говорит о сложном хозяйстве, о наличии многообразной пищи и о разных способах ее приготовления.

В 1926—1927 гг. большие раскопки курганов абашевского типа были произведены в ряде пунктов республики проф. П. П. Ефименко. Им было исследовано несколько курганов у д. Тауш-касы, Катергина (Бишево), Досаево и Теби-касы в центральной части ЧАССР, где найдены различные вещи, аналогичные находкам, сделанным у с. Абашева. Особенно интересным оказался один из курганов у д. Катергина (Бишево), где в одной из могил оказалось три скелета, лежащих не в скорченном, а в вытянутом положении. Кроме сосудов и украшений здесь встречен целый набор астрагалов свиньи (костей ног) и цилиндриков из кости, служивших для игры в кости. В других курганах найдены кремневые наконечники стрел, бронзовые спиральки, выпуклые бляшки, бляшки-розетки, височные кольца из серебра и другие мелкие украшения. Особенно интересными оказались сосуды и украшающие их узоры. Кроме более или менее однородных крупных сосудов колоколовидной формы имеется целый ряд мелких сосудов самых разнообразных форм—цилиндрических, шаровидных, биконических и т. д. Изображенные на рисунке узоры глиняных сосудов требуют особо внимательного исследования, т. к. несомненно, что они были не только украшением, но имели и определенное, для нас пока скрытое, смысловое значение.

Особенно богатый материал был открыт проф. П. П. Ефименко при раскопках курганов у д. Алгаши.

Женские погребения здесь сопровождалась украшениями в виде повязок, главным образом головных, зашитых узорами из мелких металлических бляшек, трубочек и бисера. В погребении № 3 кургана погребенная сопровождалась целым рядом таких узоров, покрывавших не только головной убор, но и одежду. На голове у погребенной была повязка, по краю обшитая широкой тесьмой из бронзовых бляшек и бисера. Широкая полоса подобного же украшения встречена на одной из рук. Третий и четвертый убор открыты в области груди. Вследствие того, что ткань или кожи, на которых были нашиты бляшки вовсе не сохранились, точно установить характер одежды не представилось возможным (рис. 18—19).

Курганы абашевского типа оказались не только в пределах Чувашской республики. В 1925 г. несколько таких курганов было открыто на Оке около Касимова у с. Земского. Среди находок отметим костяной гребешок, бронзовые бляшки

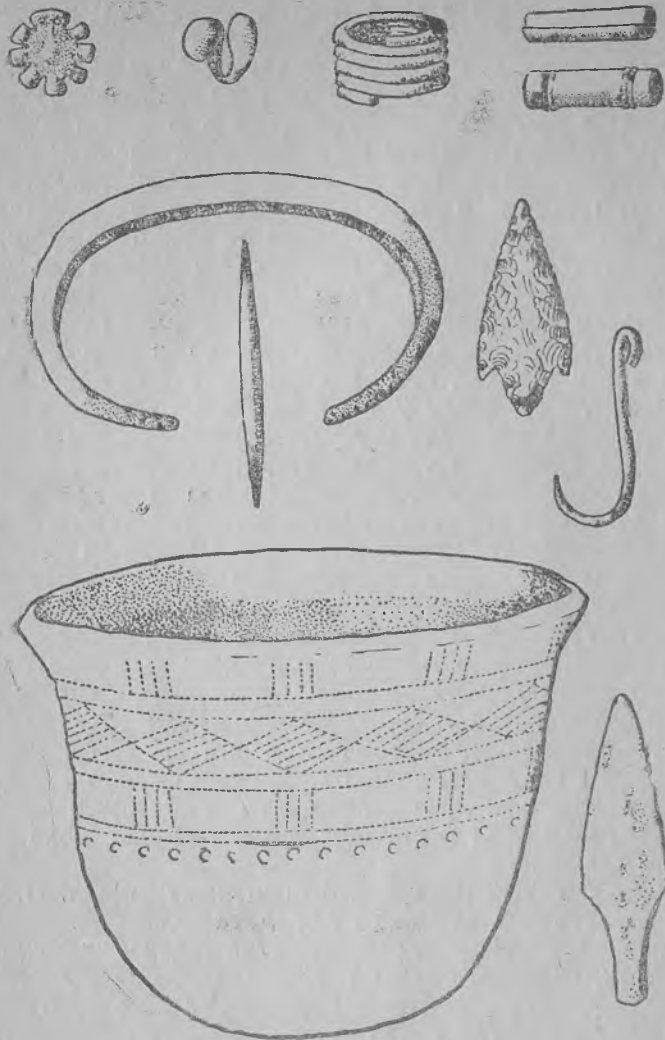


Рис. 18.

нашивавшиеся на головной убор, характерную посуду и др. На территории Ивановской обл. один абашевский курган исследован у Шуи. Там встречено мужское погребение, сопровождавшееся бронзовым ножом и перстнем в виде спирали. Наконец, в 1939 г. уже совсем далеко от Чувашской республики на берегу оз. Плещеева, около г. Переяславля Ярославской обл. был открыт обширный могильник с находками характерных абашевских вещей. Словом, стало выясняться, что курганы абашевского типа распространены по обширной области Западного

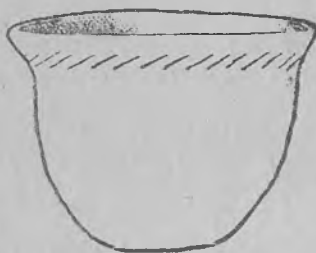


Рис. 19.

Поволжья, на которой впоследствии обитали и до сих пор обитают Поволжские племена и народы неславянского происхождения. Эти курганы оставлены, естественно, не одним племенем, а целой группой племен, но племен с многими общими особенностями культуры.

В свете сказанного выше, становится очень интересным соображение проф. П. П. Ефименко, полагавшего, что в богатых бронзовых украшениях абашевской эпохи следует усматривать первое появление их черт костюма, которые так характерны для национального костюма современных народов Западного Поволжья, в том числе и чувашского национального костюма, изобиловавшего металлическими украшениями.

Варварским племенам, оставившим абашевские погребения и племенам более южных районов, речь о которых пойдет ниже, принадлежали многочисленные медные и бронзовые орудия,

случайно найденные во многих местах Чувашской республики в прилегающих районах Поволжья. К ним относятся прежде всего плоские бронзовые топоры и долота, по форме напоминающие каменные (рис. 20 сверху). Такие вещи были найдены около с. Суринского в районе Цивильска и около с. Фролова на Свияге, ведалеко от Буинска. Не менее обычны топоры другого типа, снабженные отверстием для прикрепления к рукояти (так называемые „топоры с вислым обухом“). Они были встречены около с. Больших Яльчик и у Юмралы на р. Буле, около Ядрина, у с. Можарки, у Цивильска, у Карамышева, недалеко от Чебоксар и в ряде других мест.

Топоры третьего типа получили в науке название кельтов. В отличие от предыдущих они насаживались на специальную коленчатую рукоятку. Два таких топора найдено у Альменова, в районе Чебоксар, и южнее—у Курбаши и у Бакарчи, а также в других местах.

Орудия, изображенные в середине рисунка слева, правильнее всего рассматривать в качестве наконечников мотыг, так как втулка для рукояти такого типа не приспособлена выдерживать резкие удары*. Такое орудие найдено у д. Тюбяк-Чурки на Свияге, вблизи устья Булы.

Рядом с предыдущим предметом на рисунке 20 изображен бронзовый серп, найденный у с. Абашева. Среди серпов эпохи бронзы он выделяется совершенством формы, что говорит о развитии земледелия.

Чаще, чем что-либо другое встречаются бронзовые ножи и кинжалы. Маленькие ножи такого типа встречаются в абашевских погребениях. Ножи и кинжалы до 15 см длиной найдены у д. Бакарчи на р. Черемшан, притоке Свияги, около д. Курбаш-Тура и Курбаши, у Толбы на р. Толбинке, притоке Булы, около Карамышева, в районе Чебоксар и в других местах.

Следующая группа бронзовых предметов—наконечники копий. Они могли применяться как на войне, так и на охоте. Копья разных форм, изображенные на рис. 20, найдены около Цивильска, у Яльчиков на Буле, у Курбаши и Татарских Барбашей, у Мими на Свияге и т. д.

Из других бронзовых предметов отметим рыболовные крючки, иногда очень крупного размера. Один из них был найден около Б. Фролова на Свияге, около Буинска, другой в том же районе у д. Верхние Болтаи.

6

При таком обилии курганов эпохи бронзы и отдельных находок медных и бронзовых изделий, является не вполне понят-

* Некоторые исследователи относят эти орудия к ананьинской эпохе (1-е тыс. до н. э.) на том основании, что они имеются в ананьинских коллекциях из Зуевского и Котловки. Однако в обоих случаях эти вещи происходят из случайных находок, территориально не связанных с могильниками. Анализ показал, что они изготовлены из меди, тогда как ананьинские изделия—бронзовые.

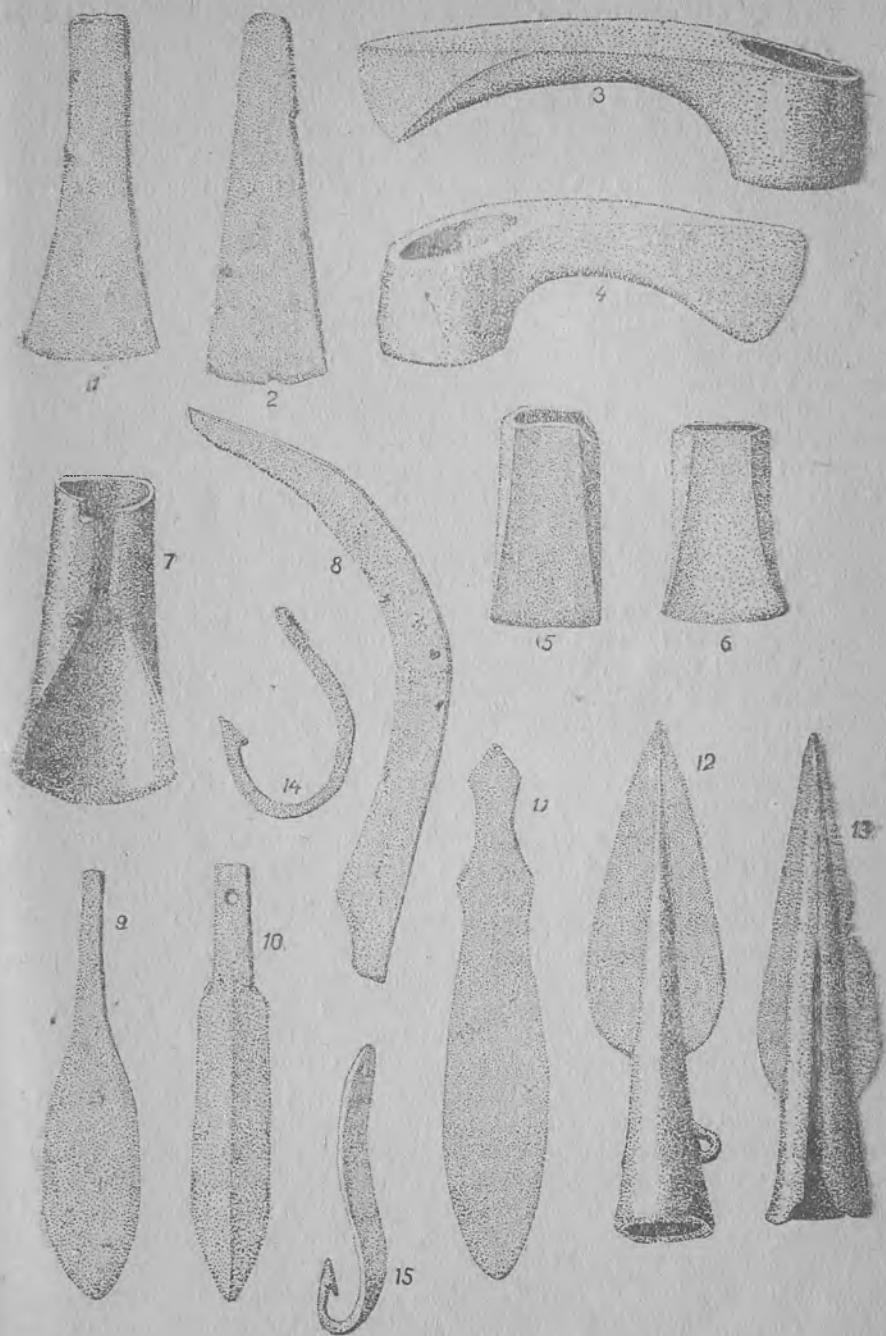


Рис. 20.

ным отсутствием следов абашевских поселений, которые безрезультатно пытались обнаружить и В. Ф. Смолин, проф. П. П. Ефименко и автор этих строк. Характер абашевского скотоводства и наличие у этих племен земледелия не позволяет рассматривать их в качестве кочевников. Это были несомненно оседлые племена, быть может, имевшие лишь сезонные перекочевки. Остается предположить, что для своих поселений они избирали какие-то особые места, до сих пор неизвестные археологам.

Некоторые, правда, предполагают, что абашевским племенам принадлежали поселения эпохи бронзы, расположенные по Волге и берегам ее притоков и известные уже в целом ряде пунктов. Остатки культуры: каменные орудия, металлические изделия и глиняная посуда, происходящие с этих поселений, однако не вполне совпадают с находками из абашевских курганов, имея целый ряд особых черт. Дальнейшие исследования несомненно разрешат этот вопрос. Сейчас же намечаются два возможных ответа: либо следует признать эти поселения абашевскими, допустив, что погребальный инвентарь, как явление культового порядка, имел некоторые особенности, отсутствующие в быту, либо нужно признать, что эти поселения принадлежали племенам с иной культурой, в экономике которых, в частности, большую роль играли старые формы хозяйства: охота и рыболовство.

Небольшие раскопки поселения эпохи бронзы были произведены в 1930 г. у д. Ивановой на берегу Волги, слева от устья р. Цивиль, у сторожки бакенщика. Остатки поселения, разрушенные Волгой, представляли собой культурный слой до 0,50 м мощности, насыщенный обломками глиняной посуды с различными узорами, костями животных и орудиями из кремня, главным образом в виде скребков.

Более интересным оказалось поселение, занимавшее западный конец дюны у д. Криушей. Там были открыты плохо сохранившиеся остатки жилища в виде полуземлянки, много глиняной посуды, бронзовое колечко и многочисленные слитки металла, говорящие, что здесь производилась выделка бронзовых изделий (рис. 21).

Такие же точно следы поселений открыты в низовьях р. Суры на дюнах около Ядрина и д. Иваново и в южном течении р. Цивилья около д. Воронова, Слобода и Липсеры.

Не оставаясь подробно на всех этих поселениях, еще почти не исследованных, обратим внимание на большое количество изделий из камня, бытовавших у их обитателей. На каждом поселении были найдены мелкие и крупные скребки трапецевидной формы, ножевидные орудия и наконечники стрел. Широкое употребление последних в эпоху бронзы является вполне понятным. На войне и охоте стрелы постоянно терялись, их нужно было делать в огромном количестве. При этих условиях делать их из металла, даже в эпоху широкого распространения последнего было очень дорого. Поэтому даже в эпоху

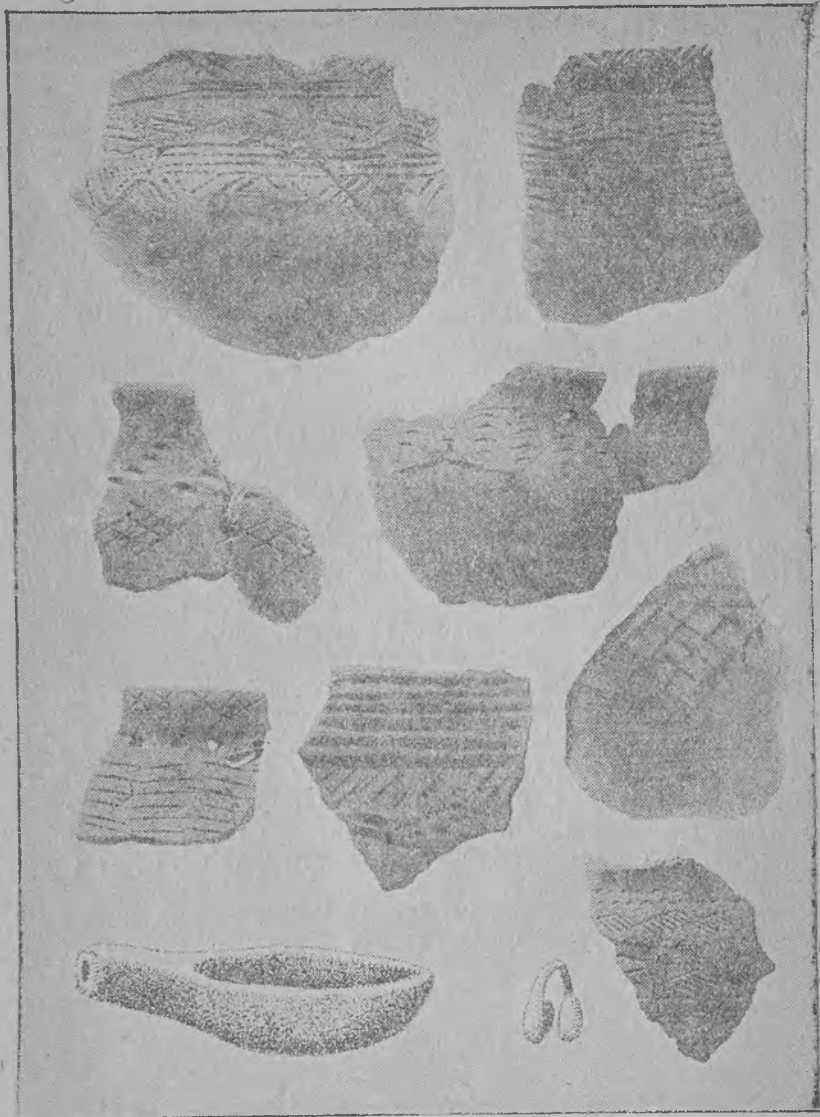


Рис. 21.

раннего железа стрелы очень часто изготовлялись из кремня и кости.

Употребление каменных скребков и ножей было связано, вероятно, с обработкой кости и рога. Обрабатывать эти твердые материалы, из которых приготавливались многие предметы бытового обихода, с помощью медных и бронзовых орудий было

очень трудно. Твердые кремневые орудия сохраняли здесь свое значение вплоть до распространения более твердого, чем бронза металла—железа.

7

Южные районы Чувашской республики во втором тысячелетии до н. э. были заняты другими племенами, заметно отличавшимися от абашевских. В отличие от северных районов, принадлежавших к области лесостепи, южные районы республики входили в пределы степной зоны Среднего Поволжья. Здесь жили скотоводческо-земледельческие племена, лучше всего известные по раскопкам около Саратова и Хвалынска и получившие в науке условное название хвалынских.

Памятниками хвалынских племен на территории Чувашской республики являются остатки поселений и курганы. В отличие от абашевских, хвалынские курганы имеют большие размеры, более расплывчатую форму и располагаются обычно не группами, а по два-три-четыре, занимая высокие точки водоразделов.

В 1927 г. два хвалынских кургана, один большой и другой сравнительно небольшого размера, были исследованы проф. П. П. Ефименко в с. Байбатыреве, Яльчикского района, на берегу р. Булы. Особенно интересным оказался большой курган, в котором удалось обнаружить 16 могил, содержащих погребения двух типов. Могилы меньшего размера содержали человеческие скелеты, лежащие на боку в скорченном состоянии. Из вещей здесь были найдены лишь глиняные сосуды, заметно отличающиеся от абашевских. Все они изготовлены из грубой, плохо промешанной глины, имеют толстые стенки, плоское дно и форму либо в виде банки с несколько суженным плоским дном, либо в виде горшков реберчатого типа, изображенных на рис. 22. В одной могиле очень часто было по два сосуда—большому и маленькому.

Второй тип погребений представлен большими могилами, на дне которых лежали человеческие кости в особом порядке

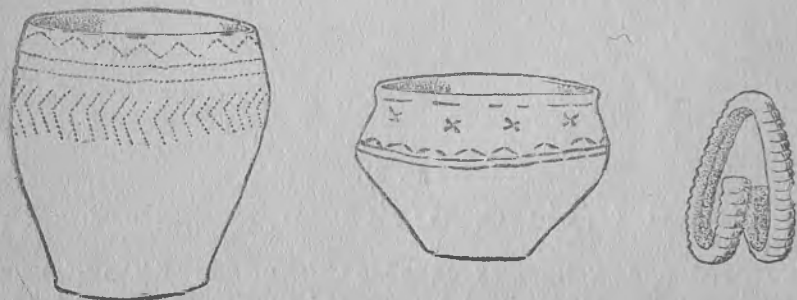


Рис. 22.

не оставлявшем сомнения относительно характера погребального обряда. Обычно в углу могилы, или у одной из ее стенок встречалась груда костей, сложенных вместе и параллельно друг другу. Так могли быть положены только кости, лишенные сухожилий. Очевидно, умерший погребался первоначально на открытом воздухе, на деревьях или под особыми срубам и лишь впоследствии, когда труп окончательно разрушался, кости собирали, складывали, вероятно, в какой-либо ящик или завертывали в ткань и погребали в могиле под курганом. Погребения этого типа заставляют вспомнить о поверхностных захоронениях, которые бытовали в Поволжье, в частности у некоторых мордовских племен в более позднее время. Так, например, в Саратовской области в районе Хвалынского в некоторых мордовских деревнях мертвых зимой не хоронили на кладбище, а приносили на „гору плача“, где подвешивали на сучья березы. С наступлением весны их зарывали в землю. Об этом же обряде говорят старые мордовские песни. Например:

„Не хорони меня, батюшка, на кладбище,
Вели отнести меня на перекресток большой дороги,
Вели положить меня, батюшка, на вершину березы“.

Интересно, однако, что могилы второго типа богаче вещами. В каждом из них было найдено по несколько глиняных сосудов. Одно погребение содержало большое бронзовое височное кольцо, покрытое сверху листком золота, другое—бронзовую иглу.

Во втором кургане, очень плохо сохранившемся, открыто лишь одно погребение.

Недалеко от курганов с. Байбатырева в урочище Ветхващырма находится древнее поселение, в наслоениях которого встречены обломки таких же точно сосудов, какие были найдены в курганах. Кроме сосудов нами встречены кости различных животных, главным образом домашних: коровы, лошади, овцы и свиньи.

Такие же точно поселения известны еще в нескольких пунктах по рекам Буле и Кубне.

На основании приведенных материалов, еще невозможно составить представление о жизни и быте степных племен Поволжья во II тысячелетии до н. э. Для их характеристики можно привлечь однако большой материал, происходящий из раскопок на территории Куйбышевской, Саратовской и Сталинградской областей.

В нескольких пунктах, кроме курганов, дающих обычно такие же находки, как курганы в Байбатыреве, были исследованы остатки древних поселений, сохранившие до наших дней следы жилищ и разнообразный бытовой инвентарь. На поселении у хут. Ляпичева, на р. Царице, были раскопаны остатки двух жилищ в виде прямоугольных ям, площадью 80 и 150 кв. м, внутри которых сохранились остатки столбов, поддерживавших крышу.

Внутри жилища шел двойной ряд вертикальных столбов, на которых покоилась двускатная крыша. В центральной части жилища располагались очаги в виде неглубоких круглых или овальных углублений в полу.

Такие же жилища, несколько меньших размеров, были открыты около д. Ершовка на берегу р. Колышлей, у Старой Яблонки в районе Хвалынска и в некоторых других местах.

Кроме многочисленных обломков глиняной посуды и костей домашних животных на поселениях встречаются изделия из кости и металла. Из кости изготовлялись различные острия, иглы для вязания сетей, орудия для обработки кожи—так называемые „тупики“ и др. Металлические изделия встречаются очень редко. Это ножи, кинжалы, серпы, наконечники копий и топоры тех самых форм, которые были распространены у абашевских племен и с которыми мы уже познакомились выше. Обильных металлических украшений, бывших у абашевских племен, здесь не встречается; неизвестны они и из курганов. Лишь изредка при женских погребениях встречаются бронзовые височные колечки, кольца и другие отдельные предметы.

На многих поселениях встречены следы местной обработки меди и бронзы в виде сплесков и слитков металла, льячков (глиняных ложечек для литья расплавленного металла) и литейных форм из глины или камня. Нередко встречаются каменные ручные мельницы—зернотерки.

Судя по всем этим материалам племени степного Поволжья имели скотоводческое и земледельческое хозяйство, как и племена абашевские, но скотоводство у них было развито значительно больше.

Интересная находка, говорящая о связях абашевских и хвалынских племен, была сделана на территории Чувашской республики в одной из курганов у д. Катергина (Бишево). Там, вместе с абашевскими вещами был найден хвалынский сосуд баночной формы с плоским дном и толстыми стенками. Он был сделан, вероятно, женщиной, происходящей из более южных степных областей.

Глава III

ПЛЕМЕНА ПЕРВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. И ПЕРВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

I

В истории народов СССР, в том числе и народов Поволжья, первое тысячелетие до н. э. и первое тысячелетие н. э. представляют собой важнейшую историческую эпоху, без понимания которой нельзя уяснить всю дальнейшую историю нашей страны.

Первобытно-общинный строй в эту эпоху вступил в последние фазы своего развития. В южных районах страны начали

складываться первые классовые общества. Древние основы родового строя, древние племена и племенные группы в эту эпоху начали распадаться под действием внутренних и внешних общественных сил. Вместо родовых и племенных связей все большую роль стали играть связи территориальные. Начали возникать обширные союзы племен, на основе которых впоследствии сложились современные народы. Быстро развивались и крепили экономические связи, как между соседними племенами, так и между населением отдаленных областей. В области производства крупнейшее значение имело появление железа и железных орудий, в значительной степени предопределившее все перечисленные только что перемены в общественной жизни.

Обрисованная эпоха, которую Ф. Энгельс вслед за Л. Морганом относил к высшей ступени варварства, на территории Чувашского Поволжья является одной из наименее изученных. Именно этим обстоятельством следует объяснить, почему археология еще не может сказать решающего слова относительно происхождения чувашского народа. Мы располагаем сейчас всего лишь несколькими исследованными памятниками первого тысячелетия до н. э. и первого тысячелетия н. э., которые ставят перед наукой целый ряд вопросов, ни на один из них не давая строго определенного ответа.

Прежде чем перейти к обзору этих памятников и к тем вопросам, которые ими выдвигаются, следует ознакомиться с общей исторической картиной Восточной Европы первого тысячелетия до н. э. и первого тысячелетия н. э. В свете этой картины памятники Чувашского Поволжья станут более понятными и доступными для изучения.

Начиная с первого тысячелетия до н. э. варварское население Восточной Европы распадается на две неравных части, исторические судьбы которых были весьма различны. Южную часть страны, примыкающую к Черному морю, занимали племена, связанные с рабовладельческим миром Средиземноморья. Уже в VII—V ст. до н. э. на Черноморском побережье начали возникать торговые города, население которых состояло из пришельцев греков и местного населения. В течение многих веков экономические и политические связи причерноморских городов с Древней Грецией были очень прочными, что не могло не сказаться на развитии культуры и общественных отношениях всех причерноморских племен. Последние были известны древним писателям под именем скифов, причем в области степей обитали скифы-кочевники, то есть скотоводы, а в лесостепном Поднепровье—скифы-земледельцы, обрабатывавшие землю с помощью плуга.

Скифские племена были наиболее передовой частью варварского населения территории Европейской части СССР. Разделение общества на скотоводческую и земледельческую части вызвало к жизни развитый обмен. Скифы широко торговали и с причерноморскими городами, посылая через них в греческую

метрополию рабов, хлеб, кожи и другие продукты. В первом тысячелетии до н. э. в среде скифских племен начинают складываться политические организации типа варварских государств, в жизни которых большое значение имели завоевания, работорговля и т. д.

Кроме сочинения Геродота, подробно описавшего жизнь и быт Скифии, источником изучения скифского общества служат многочисленные городища и курганы. Среди последних особенно выделяются богатейшие „царские“ курганы, содержащие дорогое оружие, богатую посуду, убитых рабов и рабынь, и, наконец, нередко десятки и сотни скелетов лошадей, убитых во время погребения и засыпанных при сооружении насыпи кургана.

Было бы неправильным думать, что скифы представляли собой один народ или по крайней мере группу тесно родственных племен. Антропология, например, свидетельствует, что скифы-кочевники и скифы-земледельцы принадлежали к различному физическому типу. Как скотоводы, так и земледельцы распались на ряд племенных групп или объединений, несколько отличавшихся друг от друга по характеру своей культуры. Судя по археологическим данным, племена Северного Кавказа заметно отличались от племен Подонья или Поволжья или особенно Южного Приуралья.

Начиная с II—I ст. до н. э., когда главной экономической и политической силой в области рабовладельческого Средиземноморья стала Римская империя, подчинившая себе причерноморские города, варварские племена южных областей Восточной Европы попали под власть обширного племенного союза кочевников, обитавших первоначально между Доном и Волгой—сарматов, которые в конце IV—III столетия до н. э. двинулись к западу, подчиняя и оттесняя скифские племена. Целью их движения были богатые причерноморские города. Движение сарматов было как бы вступлением в целую эпоху переселений варварских племен севера и востока, развернувшихся в первой половине и середине первого тысячелетия н. э.

Первый этап „великого переселения народов“, охватывающий первые пять столетий н. э., связан с активными выступлениями европейских племен, вступивших в войну с Римом, длившуюся несколько сотен лет и закончившуюся разгромом Западной Римской империи, после чего центр рабовладельческого Средиземноморья переместился на Восток—в Византию. Плачевная судьба Рима объясняется не только внешними условиями—силой варварского наступления, но и внутренними причинами—гнилостью рабовладельческого режима империи, вступившего в полосу кризисов и революции и потерявшего способность к сопротивлению.

Второй этап „великого переселения народов“ связывается с выступлением гуннских племен, вторгнувшихся в пределы Европы из области азиатских и прикаспийских степей. В конце IV ст. гунны перешли Дон и, покоряя местные кочевые племена, огромной,

все возрастающей массой быстро двинулись на запад. Достигнув Дуная, гунны остановились, заняв обширные пространства.

Отсюда, в течение ряда десятилетий под предводительством своего вождя Атиллы, они наносили губительные удары по северным провинциям Восточной Римской империи и по ряду областей центральной Европы, внушая ужас всем современникам. Гуннского вождя Атиллу современники называли нередко „бичем божьим“.

Гунское варварское государство оказалось однако не таким прочным, каким оно представлялось с первого взгляда. После смерти Атиллы, последовавшей в 453 г., между гунскими вождями началась борьба за власть, в результате которой ранее единое государство начало распадаться на отдельные части. Этим не замедлили воспользоваться многочисленные противники гуннов, в первую очередь Восточно-Римская империя. Гунны изгоняются с Дуная; их орды откатываются на восток в степи Подонья и Поволжья. Здесь в последующие столетия развертывается второй этап истории этих племен, связанный с возникновением первых гунно-болгарских государственных объединений, а затем Хазарского государства, речь о котором пойдет в следующей главе.

Третий „этап великого переселения народов“, начавшийся в V—VI ст. н. э., складывался из мощного движения на юг, на Балканский полуостров, славянских племен—антов и склавинов, и из вторжения на Дунай аваров и других кочевых племен, называемых булгарами. В истории народов Поволжья славяно-византийские войны и движение аваров и булгаров, повидимому, не оставили каких-либо непосредственных следов.

2

Такова в самых общих чертах историческая жизнь южных районов нашей страны в первом тысячелетии до н. э. и первом тысячелетии н. э. Она была полна бурными событиями, появлением новых племенных образований, исчезновением старых, столетиями кровопролитных войн и т. д. Все это следует рассматривать, как одну из заключительных глав истории рабовладельческого Средиземноморья, когда революционное движение рабов и удары варваров ликвидировали рабовладельческий строй в Европе. Совсем иначе протекала в эту эпоху жизнь северных племен, обитавших в глубине лесостепных и лесных пространств Восточной Европы, неизвестных в Средиземноморье и незнакомых с его культурой.

В сочинении Геродота приводится краткий перечень племен, обитавших к северу и востоку от области скифов-земледельцев и скифов-кочевников. В области правобережья Днепра, к северу от скифов-земледельцев во времена Геродота обитали невры, к востоку от невров—андрофаги—племя людоедов и меланхлены—люди в черных одеждах. За Доном были известны будины и гелоны, поселения которых возможно простирались

до Волги, а еще северо-восточнее, где-то в Заволжье, на расстоянии семи дней пути, жили фиссагеты и ирки—охотничьи племена лесов. Еще дальше, у подножья гор, вероятно Уральских, в стране с каменной почвой жили аргиппеи. Что представляли собой все эти племена, какие области они населяли, чем занимались, какова была их культура—на все эти вопросы Геродот не дает никакого ответа, ограничиваясь перечнем племен и некоторыми подробностями, главным образом, фантастического или полужантасического характера. О неврах, например, он сообщает, что по рассказам скифов, негры ежегодно на несколько дней превращаются в волков. Очевидно, о племенах лесной зоны в Причерноморье доходили лишь отрывочные и легендарные сведения.

Еще меньше было известно цивилизованному миру древности о племенах лесной зоны Восточной Европы в начале н. э., когда мирные сношения между Средиземноморьем и европейским варварством сменились постоянными войнами, речь о которых шла выше. Великие ученые древности: Плиний, Тацит и Птоломей ничего не знали о племенах, обитавших к северу от степной полосы Восточной Европы. Первое упоминание о племенах Поволжья: мари, мордвы и веси, принадлежащее готскому историку Иордану, относится к VI ст.

Значительно лучше известна жизнь северных племен по данным археологических памятников. На основании их изучения становится очевидным, что в начале первого тысячелетия до н. э. в жизни населения лесной полосы Восточной Европы произошли серьезные изменения, приведшие к созданию новой экономики, новых форм быта и новой культуры. Характер всех этих изменений в настоящее время еще недостаточно изучен. Бесспорно лишь, что в их основе лежит окончательное оформление скотоводческо-земледельческого хозяйства, появившегося и прогрессивно развивавшегося в течение эпохи бронзы. Не менее существенную роль сыграло появление железа, впрочем далеко не сразу вытеснившего здесь каменные, костяные и бронзовые орудия. В области общественных отношений с этой эпохи основное значение приобретает с одной стороны патриархально-общинная организация, с другой—обширные племенные объединения.

Археологическими памятниками племен лесной полосы первого тыс. до н. э. и первого тыс. н. э. являются многочисленные городища, известные в числе нескольких сотен на Волге, Оке, Клязьме, Ветлуге, Суре, Каме, Чусовой, Белой и по притокам всех этих рек. В отличие от мест поселений эпохи каменного века и периода бронзы, никогда не имеющих защитных сооружений, городища представляли собой в древности маленькие земляные крепости, расположенные обычно на высоких местах, окруженных крутыми склонами и укрепленных рвами, земляными валами и деревянными стенами или частоколами. Появление поселков такого рода показывает, что внутренняя жизнь лесных

племен протекла очень беспокойно и что войны и грабежи стали обычным явлением.

Военные столкновения между родами и племенами были, конечно, и раньше. Войны возникали из-за нарушения границ охотничьих и рыболовных угодий или на почве каких-либо распри. Но войны в то время составляли редкое явление. В большинстве случаев они не давали никакого экономического результата, так как в хозяйстве рыболовов и охотников запасы пищи либо совсем отсутствовали, либо были очень небольшими. Это же самое следует сказать и относительно племен, лишь переходящих к скотоводству и земледелию. С развитием скотоводства и земледелия и превращением их в важнейшие отрасли экономики, положение резко изменилось. Война сулила легкое обогащение—удачный набег сразу мог дать такое богатство—стада скота или хлеб, из-за которого нужно было бы трудиться месяцы и годы. Выше (стр. 4) мы уже приводили слова Ф. Энгельса, посвященные эпохе варварства: „...война и организация для войны становятся теперь нормальными функциями народной жизни“.* Люди все время должны были опасаться своих соседей, не оставаясь, однако, у них в долгу и выжидая удобного случая, чтобы за счет соседей пожитья самим.

Вот в этой-то обстановке, сложившейся у племен лесной полосы к началу первого тысячелетия до н. э. и появилась новая форма поселений—укрепленные деревни, остатки которых называются по-русски городищами, а по-чувашски—кивё хула или кивё хула вырәнё, хулату.

В первом тысячелетии до н. э., как и в предыдущее время, племена лесной зоны составляли несколько обширных групп, еще далеко не изученных, в которых, повидимому, следует видеть первичную основу современного этнического деления. В области Волжского Левобережья и Прикамья лучше всего известна группа племен, оставивших кроме городищ еще и могильники—обширные кладбища, называемые ананьинскими по имени первого исследованного могильника, открытого у дер. Ананьиной на Каме. Ананьинские могильники очень богаты бронзовыми и железными изделиями: орудиями труда, оружием, вещами убора и украшения. Оставившее их население, занималось земледелием, скотоводством, охотой и лесными промыслами, наконец, эти племена вели обмен с югом, со скифскими областями, о чем говорят находки в могильниках и на городищах скифских и греческих вещей. Предполагают, что именно эти племена были известны скифам под именем агриппей, которым Геродот посвятил следующие строки: „До владения этих (восточных) скифов вся пройденная нами страна представляет равнину с глубоким черноземом, начиная же отсюда земля камениста и неровна. Если пройти значительную часть и этой

* Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 139.

неровой страны, то встретимся с обитателями подножия высоких гор; говорят, что все они, как мужчины, так и женщины плешивы от рождения, плосконосы и с большими челюстями; речь у них особая; одеваются по-скифски, а питаются плодами деревьев... Название этого народа агриппеи. Страна до этих плешивых и народы по сю сторону живущие хорошо известны. К ним ходят некоторые скифы... Кто из скифов посещает их, тот пользуется для своих деловых сношений семью переводчиками и семью языками."

Другие племенные группы Волжского Левобережья и бассейна Камы по своей культуре были близки ананьинским племенам, отличаясь от них лишь по деталям культуры.

В конце первого тысячелетия до н. э. городища и могильники Прикамья приобретают некоторые новые черты. Памятники этого времени называются в археологии пьяноборскими по имени могильника, исследованного на берегу Камы около с. Пьяный Бор (ныне Красный Бор), вблизи Елабуги. В пьяноборскую эпоху, охватывающую и начало нашей эры, орудия из камня и бронзы уже не встречаются.

По правую сторону Волги, в бассейне Оки, Клязьмы, Мокши, Суры и других рек этой области обитали племена, заметно отличавшиеся от заволжских. Оставшиеся от них памятники известны в археологической литературе под именем городищ Дьякова типа, названных так по городищу у с. Дьякова под Москвой, располагавшихся по Оке, верхней Волге и Волго-Окском междуречье и городищ городецких, занимающих обширные пространства Волжского правобережья южнее течения Оки. Городецкие городища получили свое наименование от с. Городец на левом берегу Оки около Спасска, где было исследовано городище данного типа. Эти группы племен были близки друг другу. Кроме городищ они не оставили никаких других памятников. Дьяковские и городецкие племена точно также были скотоводами и земледельцами, не порвавшими еще целиком со старыми формами хозяйства—охотой и рыболовством.

При изучении культуры племен лесной зоны становится очевидным, что они значительно отставали от своих южных соседей скифских и сарматских племен. Большое число костяных орудий, изделия из камня, орудия из бронзы, ограниченный ассортимент изделий из железа, простейшие орудия земледелия и т. д.—все это говорит о быте, свойственном племенам, еще не вступившим на высшую ступень варварства, а лишь стоящим у ее подножья.

В первые века н. э. племена лесной зоны вступают в новую стадию развития, достигают высшей ступени варварства. Вместе с дальнейшим развитием железной металлургии и окончательным вытеснением камня и бронзы, как материалов для изготовления орудий труда, вместе с дальнейшим развитием скотоводства и земледелия, наконец, в результате укрепления торговых

и политических связей, у племен, населяющих лесную зону, складываются обширные племенные объединения, известные в последующее время по древней русской летописи и давшие начало современным народам. В Поднепровье и прилегающих к нему районах в эту эпоху складываются славянские племена. В Поволжье складываются племена мерявские, муромские, мордовские, удмуртские, марийские и несомненно—чувашские, хотя о последних нам меньше всего известно. В Приуралье возникают племена башкирские, а севернее—племена угорской группы—предки современных манси (вогулов) и хантэ (остяков). Наконец, на севере возникают племена коми и другие, ныне не существующие, известные в прошлом под общим наименованием чуди.

В области Поволжья лучше всего известна культура древних мордовских племен нижнего течения р. Оки и ее притоков. Здесь на берегах рек, кроме городищ и открытых поселений первой половины и середины первого тысячелетия н. э. известны многочисленные могильники, содержащие сотни погребений, относящихся к различному времени. Особенно богатый материал дает исследование женских захоронений. Женский костюм окских племен был обильно украшен разнообразными украшениями из меди и бронзы, иногда из серебра. На голове женщины носили подобие венцов из медных блях, на шее—ожерелья и медные или серебряные обручи, называемые гривны. Украшения груди служили крупные бляхи, застежки и фибулы. На руках женщины имели браслеты. Наконец, металлические украшения были и на ногах; открытых до колен и обернутых толстыми онучами, как это сохранилось и в современном национальном костюме народов Поволжья. В могилу ставился обычно глиняный сосуд и клались кое-какие вещи: огниво, пряслице для веретена, нож и т. д.

Мужские погребения содержат значительно меньше вещей, но зато в них встречаются орудия труда и вооружения, что особенно важно для изучения жизни, быта и экономики. Обычны в мужских могилах железные ножи, топоры, наконечники копий и дротиков, наконечники стрел и наконеч—принадлежности конского убора: удила, уздечки и нагайки. Удила встречаются почти во всех мужских погребениях и в некоторых женских. Обилие предметов конского убора, характер вооружения и ряд других данных говорят о том, что племена бассейна Оки были скотоводами, и мужчины значительную часть жизни проводили верхом на коне. Об этом же говорят материалы поселений. Земледелие также играло значительную роль в хозяйстве, но по значению, повидимому, уступало скотоводству.

Могильники, подобные окским, но имеющие и свои особенности, известны на Суре, в верхнем ее течении около с. Армева, и в пределах Чувашской республики, о чем речь будет итти ниже.

На запад от территории этих могильников в верховье Оки и Поднепровье встречаются памятники совсем иного характера, принадлежавшие славянским племенам.

3

Известные на территории Чувашской республики археологические памятники первого тысячелетия до н. э. и первого тысячелетия н. э. сочетают в себе черты культуры, свойственные как племенам Волжского правобережья и Окского бассейна, так и племенам восточным—Волго-Камским. Здесь как бы сталкивались два древних мира, разделенные Волгой, позднее, как мы увидим ниже, сюда же потянулся мир северный и мир южный—население степей. Но это произошло лишь в конце первого тысячелетия н. э.

Сочетание культуры западного и восточного Поволжья нашло себе прекрасное выражение в материалах пока что единственного древнего городища, открытого на западной границе Чувашской республики, на правом берегу Волги, в районе Ильинки. Древнее поселение было расположено на узком и длинном мысу высокого волжского берега, ограниченном крутыми склонами. Со стороны плато высокого берега, откуда место поселения было вполне открыто, его защищали два земляных вала дугообразной формы. В древности на гребне валов стоял, вероятно, деревянный тын. Во все стороны с поселения открывался широкий вид на долину р. Волги. Это было место чрезвычайно удобное для сооружения поселка-крепости. Местное население хорошо знает городище, называя его „Малахай“ (рис. 23).

В результате небольших раскопок, произведенных проф. П. П. Ефименко, установлено, что население городища „Мала-

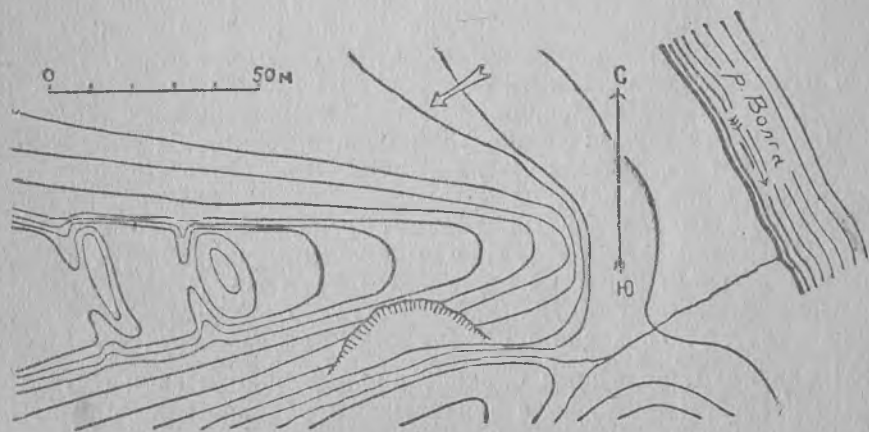


Рис. 23.

хай* принадлежало западно-волжским племенам второй половины первого тысячелетия до н. э. Во время раскопок в культурном слое городища были найдены обломки плоскодонных глиняных сосудов, орнаментированных „сетчатым“ или „текстильным“ узором, образованным отпечатками грубых тканей и плетней (рис. 24 вверху). Посуда с таким узором была распространена на Верхней Волге, на Оке, в Волго-Окском междуречье и в некоторых более южных областях Волжского Правобережья. У племен бассейна Камы и по левобережью Волги

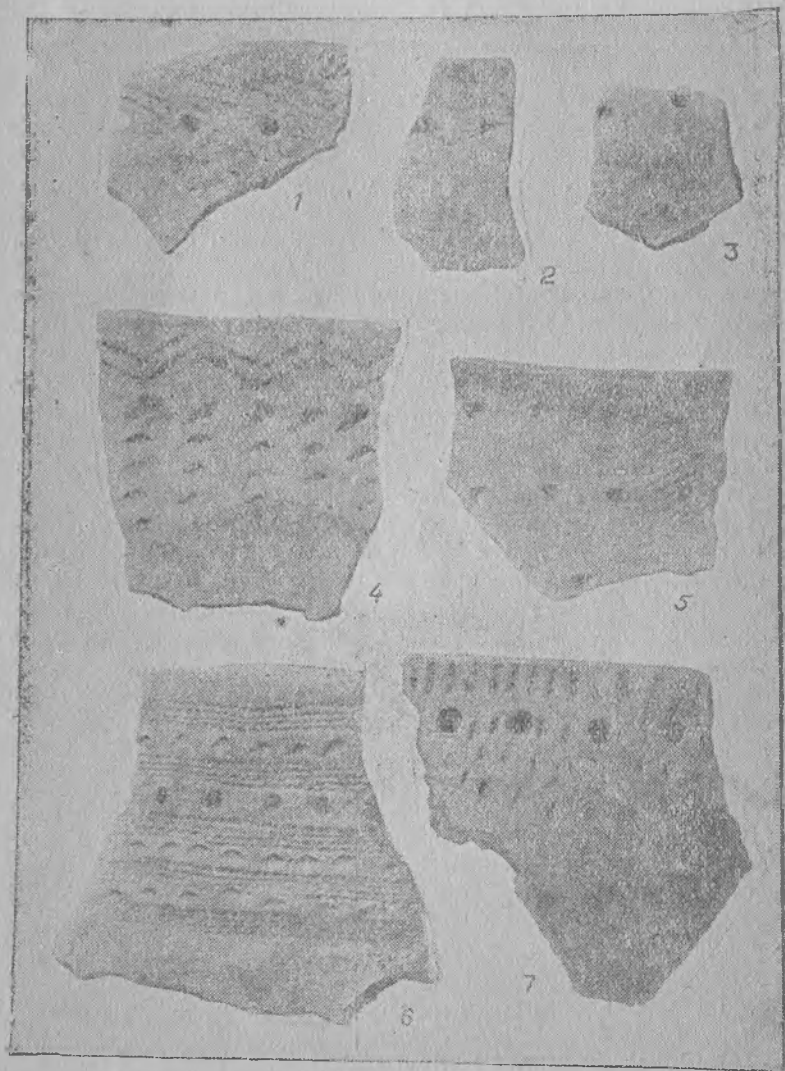


Рис. №24

такая посуда была неизвестна. Кроме обломков посуды на городище „Малахай“ было найдено несколько кремневых осколков и орудий.

Совершенно иные культурные остатки обнаружены у подножья городища на южной береговой террасе. В культурном слое бывшего здесь поселения найдены обломки глиняных сосудов в виде широких чашек с круглым дном и узором из отпечатков шнура (рис. 24 внизу). Такая посуда была распространена в бассейне Камы, на Ветлуге и в других районах левобережья Волги. Кроме посуды в слое селища оказались многочисленные кости животных, принадлежащие домашнему скоту: корове, свинье, лошади и овце, а также диким животным: лосю и медведю; орудие из кости в виде острия, несколько каменных орудий. Около городища „Малахай“ после половодья и больших дождей, размывающих берег, местные жители неоднократно находили бронзовые орудия: ножи, топоры и наконечники копий. Очевидно, поселок принадлежал населению, близкому ананьинским племенам Прикамья, которые точно также вплоть до второй половины первого тысячелетия до н. э. в большом количестве употребляли бронзовые орудия.

Несомненно, что городище и поселок у его подножья не были обитаемы в одно и то же время. Однако их следует отнести примерно к одной эпохе.

Следы пребывания людей первого тысячелетия до н. э. на территории Чувашской республики известны и в других местах.

На дюне у д. Криуши, уже неоднократно упомянутой выше, были находимы обломки глиняной посуды с „сетчатым“ орнаментом, такой же, какая происходит с городища „Малахай“. Культурного слоя первого тысячелетия до н. э. у Криушей однако не сохранилось. Он уже давно развеян ветром и смыт водой. Отдельные находки такой же глиняной посуды были сделаны также в некоторых пунктах по Цивилю и Суре.

Среди бронзовых орудий, найденных на территории республики, кроме перечисленных выше древних вещей, имеется несколько предметов, относящихся к первому тысячелетию до н. э. Все они представлены камскими формами, известными по ананьинским могильникам (рис. 25). Один бронзовый кельт ананьинского времени был найден в Чебоксарах, второй и третий — около Цивильска. Наконечник копья раннеананьинской формы был найден около Курбашей на Свяге, около Карамышева, вблизи Чебоксар и в некоторых других местах.

На основании перечисленных данных, очень незначительных и случайных, можно сделать лишь один бесспорный вывод, а именно, что Чувашское Поволжье в пер-

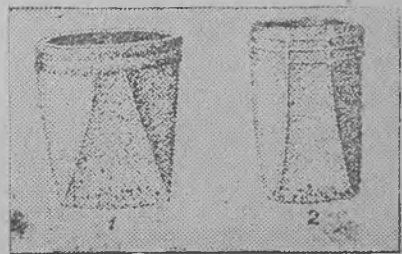


Рис. 25.

вом тысячелетии до н. э. было заселено скотоводческо-земледельческими племенами, входящими в группу племен Поволжья. Нет оснований сомневаться, что дальнейшие археологические исследования на территории Чувашской республики выявят большее число памятников этого времени.

4

К такому же точно выводу приводит обзор памятников начала и середины первого тысячелетия н. э., известных еще в меньшем числе, чем памятники первого тысячелетия до н. э., причем только в северных районах республики. В южных областях республики памятники указанного времени пока что вовсе не известны.

В нижнем течении р. Цивиль, около с. Яндашево, вблизи старого кирпичного завода была сделана интересная находка, свидетельствующая о существовании здесь могильника пьяноборского типа, относящегося к первым столетиям до и после н. э. Нахождение здесь такого могильника не является особой неожиданностью. Пьяноборские могильники известны около Казани (Стекольный завод) и около слияния Мокши и Цны у д. Кошибеево. Предполагаемый могильник у с. Яндашева находится как раз между ними.

Находками, говорящими о пьяноборском могильнике у с. Яндашева, являются характерная бронзовая поясная пряжка с крючком и бронзовые спиральки, украшавшие одежду (рис. 26). Такие вещи были встречены во всех пьяноборских могильниках первых веков нашей эры.

На некоторых городищах северной части республики, относящихся ко второй половине первого тысячелетия н. э., в нижних горизонтах культурных наслоений, относящихся к началу н. э., была находима глиняная посуда с „сетчатой“ и „рогожной“ орнаментацией, но же древняя, как происходящая с городища „Малахай“, а поздняя, с более грубым небрежным орнаментом, нередко покрывающим лишь часть поверхности сосуда. На Оке и ее притоках такая посуда встречается с вещами первых трех-четырех веков н. э. Примером городища, где была встречена такая посуда, может служить небольшое городище, находящееся между Красными Четаями и д. Калугино, основной культурный слой которого принадлежит значительно более позднему времени.

Более интересными памятниками начала и середины первого тысячелетия н. э., говорящими о том, что население территории Чувашского Поволжья в ту эпоху было тесно связано с другими племенными группами Волжского левобережья, являют-



Рис. 26.

два могильника, открытые в северной части республики из Суры около д. Иваново, вблизи Ядрина, и на дюне у д. Криуши. Могильники дали яркий и разнообразный материал.

Могильник у д. Иваново, о существовании которого уже давно было известно благодаря случайным находкам, происходящим из разрушенных могил, впервые подвергся раскопкам в 1926 г. во время исследований проф. П. П. Ефименко. Последним дается следующее описание местоположения могильника, приводимое здесь дословно. „Село Иваново расположено на левом берегу Суры на краю высокой надлуговой террасы. Обрывистый берег этой террасы постоянно размывается несной, особенно в большие половодья. Отсюда открывается прекрасный вид на широкую ленту заливных лугов, сопровождающих извилистое течение реки, и на лесные возвышенности правого, собственно чувашского, берега долины Суры. Находки человеческих костей и вещей в береговом обрыве за огородами села местным жителям были известны давно. Сюда много лет приезжал какой-то любитель, который скупал находимые вещи; где в настоящее время находится эта коллекция, нам установить не удалось. Многолетние заметки о вымываемых под Ивановым древних погребениях появились в 80—90 гг. в Казанских изданиях, но особенного внимания на себе не оставляли.

При нашем осмотре выяснилось, что могильник, вернее остатки некогда, вероятно, очень значительного могильника, находятся на огородах в том конце села, который расположен на мысообразном выступе надлуговой террасы, вдоль ее обрывистого края“.*

При раскопках 1926 г. было открыто 19 могил, из которых 17 содержали погребения, лежащие на спине в вытянутом положении, а 2—остатки трупосожжений. Вещественный материал могильника оказался не особенно богатым. В мужских погребениях встречены железные пряжки, ножи, топор, наконечники копий и стрел, а также удила. Женские погребения сопровождалось украшениями из бронзы: браслетами, перстнями и подвесками. Исключительным по своему содержанию оказалось погребение № 10, принадлежащее, по видимому, какой-то знатной женщине. На шее у погребенной были надеты бусы из красной мастики и четыре бронзовых гривны (обруча) разных форм. На головном уборе были нашиты бронзовые бляшки и особые височные подвески. На руках были браслеты и спиральные перстни. На груди одежда скальвалась кольцевыми застежками. Наконец, какое-то не вполне понятное массивное украшение было надето на пояс. Судя по вещам погребение относится к V ст. н. э.

Украшения женского костюма погребения № 10 и материалы могильника в целом очень напоминают находки из

* П. П. Ефименко, Средне-Волжская экспедиция 1926—27 гг. Сообщения Академии истории материальной культуры, т. II, 1929.

окских могильников середины первого тысячелетия н. э., обнаруживая лишь некоторые местные особенности. Ктк и население бассейна Оки, обитатели нижнего течения Суры занимались земледелием, лесными промыслами и в особенности скотоводством на широких пойменных лугах. Они хорошо знали обработку железа, добываемого, вероятно, из местных болотных руд. Из привозной меди они выделяли различные украшения, покрывавшие одежду из льняных и шерстяных тканей. Судя по расположению украшений, жесткий костюм того времени приближался к современному костюму народов Поволжья. Очень вероятно, что одежда покрывалась какой-либо вышивкой.

О характере жилищ древних обитателей нижнего течения Суры пока что ничего неизвестно. Судя по материалу бассейна Оки, жилищем в эту эпоху являлись надземные дома, рубленные из бревен, с земляным полом и каменными очагами.

Могильник Криушинской дюны, открытый в 1930 г., как и все памятники этого пункта, почти не сохранился, будучи разрушен ветром и водой. По словам местных жителей, в западной части дюны неоднократно делались находки железных орудий—наконечников копий, ножей, топоров, а также железных и бронзовых предметов убора и украшения. В 1930 г., при обследовании дюны, также было найдено несколько мелких предметов и большое число обломков глиняных сосудов, таких же, какие встречаются в могильниках Волжского левобережья. Наконец, в 1930 г. было открыто женское погребение, почти совершенно разрушенное ветром. От костей погребенной сохранились лишь незначительные следы. На шее умершей была бронзовая гривна и богатое ожерелье из стеклянного позолоченного бисера и крупных красных пастовых бус. На груди одежда скреплялась кольцевой застежкой. В ногах стоял небольшой глиняный сосуд с орнаментом (рис. 27).

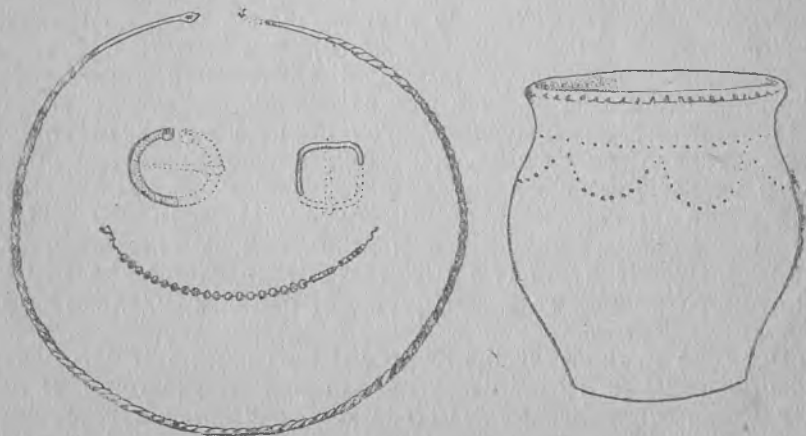


Рис. 27.

Оба могильника Чувашской республики—и Ивановский и Криушийский, как и все известные сейчас аналогичные могильники Волго-Окской области, располагаются на берегах реки вблизи участков широких пойм. У Иванькова это была пойма р. Суры; у Криушей—широкая пойма Волги в устье р. Аниш. Как мы указывали выше, население усиленно занималось скотоводством. Широкие поймы были использованы в качестве основной кормовой базы.

Очевидно, в области водораздельных районов республики, в глубине лесов, хозяйство племен начала и середины первого тысячелетия н. э., оставивших городища, речь о чем шла выше, имело несколько иной характер. Значение скотоводства не было там столь исключительным. Наряду с земледелием и скотоводством большую роль играли древние способы добычи средств существования: охота, рыбная ловля и лесные промыслы. Для этой эпохи можно также предполагать широкое развитие охоты на пушных зверей, дорогие меха которых шли не для внутреннего употребления, а на вывоз в более южные области.

Глава IV

ЧУВАШСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ В ЭПОХУ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

1

Во второй половине первого тысячелетия н. э. в истории гунно-булгарских племен степной полосы Восточной Европы начинается новая глава, связанная с ростом в среде кочевников классового расслоения и с возникновением нового государственного образования—Хазарского каганата, бывшего уже не варварским государством, как его предшественники, а государством раннефеодального типа. Хазарский каганат, во главе которого стояла династия среднеазиатского происхождения, сыграл огромную роль в истории не только населения степной зоны, но и Восточной Европы в целом (рис. 28).

Одним из важнейших процессов внутренней жизни населения степной зоны являлся в эту эпоху процесс оседания части кочевников на землю и превращения их в земледельцев. На землю оседала беднейшая, постепенно разоряющаяся часть кочевого населения, не имеющая возможности из-за отсутствия скота вести скотоводческое хозяйство. Осев на землю, эта часть населения оставалась в подчинении у скотоводческих верхов, составив основную группу того крестьянства, без труда которого не может возникнуть ни одно феодальное общество.

Оседание гунно-булгарских племен на землю было связано с расширением ими своей первоначальной территории. В области степных пространств, там где передвигались кочевники со своими стадами, земледелием заниматься было нельзя, так как девственная степь, покрытая буйными травами, не могла еще

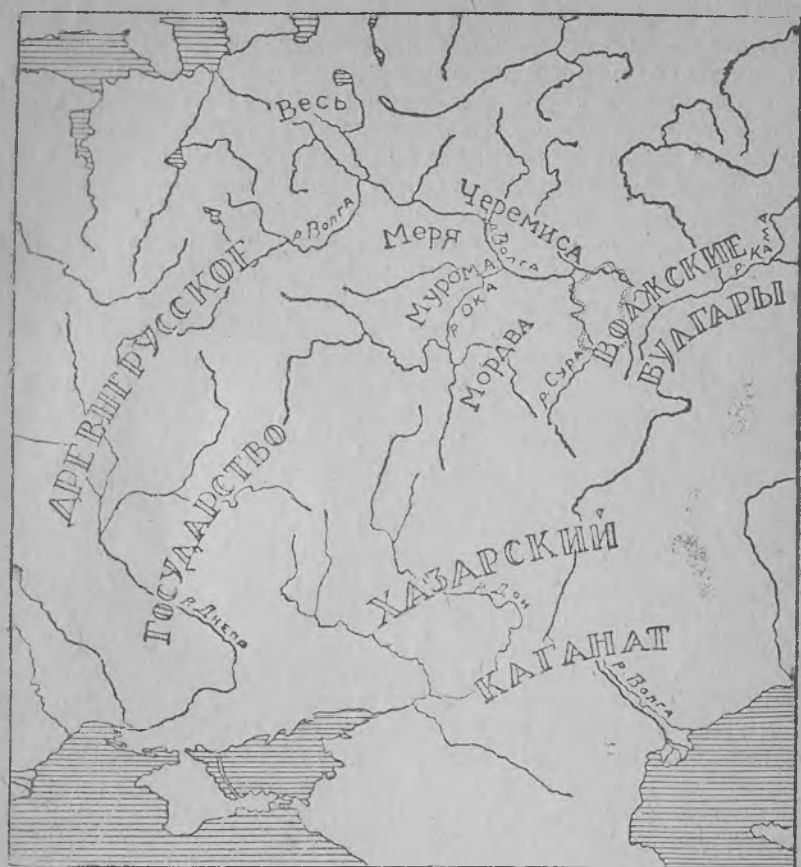


Рис. 28.

быть освоена для земледелия с той техникой, которой располагало население второй половины первого тысячелетия н. э. Как известно, степи были освоены земледельцами лишь много столетий спустя. Поэтому оседание кочевников происходило не в области степи, а по окраине степной зоны, как на юге в области Северного Кавказа, так и на севере в области лесостепной полосы. В этих местах гунно-булгарские племена сталкивались с местным населением, которое они частью оттесняли, частью же в той или иной степени подчиняли. Многие племена окраины степей, не входившие в число гунно-булгарских племен, были включены при этом в состав Хазарского каганата.

Одним из районов оседания кочевников и подчинения гунно-булгарами местного населения были лесостепные области Среднего Поволжья, где возникло Булгарское царство, тесно связанное с Хазарским каганатом. В этот район Поволжья гун-

но-булгар влекли не только возможность оседания и возможность эксплуатации местных племен. Выше речь шла о том, что течение Волги на участке между устьем Оки и устьем Камы представляло собой важнейший узел, где сходились многие древние торговые пути. Здесь издревле существовали торжища; сюда стекались товары с Верхней Волги, с Оки, с Камы, с юга. Вполне естественно, что гунно-булгары—наиболее прогрессивное общество южной части Восточной Европы, в интересующую нас эпоху, не могли не наложить свою руку на этот район и на населяющие его племена.

Время продвижения гунно-булгарских племен на Среднюю Волгу точно неизвестно. Судя по сообщениям арабских писателей, в начале X века Булгарское царство уже существовало, как вполне сложившийся экономический и политический организм, чему предшествовало, вероятно, не одно десятилетие, необходимое для его оформления. Большинство ученых полагает, что появление булгар на Средней Волге относится к VIII или началу IX ст. В колонизации этих мест принимали участие, по видимому, различные группы гунно-булгарского населения, обитавшие ранее в Прикаспийских и Нижневолжских степях. Судя по названию двух главных центров Волжской Булгарии—городу Булгар и городу Сувар, можно предполагать, что в экспансии на Среднюю Волгу принимали участие, преимущественно, две группы гунно-булгарских племен, входивших в племенные объединения булгар и савиров. Город Булгар находился вблизи устья Камы, где и сейчас сохранились его развалины. Местоположение Суvara точно не известно. Предполагают, что его остатками является городище на берегу р. Утки, около с. Кузнечихи, недалеко от Куйбышева-Татарского (б. г. Спасск).

2

История Волжской Булгарии и обзор ее богатейших археологических памятников: городищ, селищ, укреплений, могильных камней с надписями и т. д., рассеянных по всему Среднему Поволжью, не входит в задачу настоящей книги. Этим вопросам посвящена богатая литература. Археологические исследования булгарских городов и селищ раскрывают неизвестные до сих пор черты быта и культуры. Даже самое краткое описание всего этого исторического богатства потребовало бы нескольких таких книжек. Поэтому мы остановимся ниже лишь на тех памятниках булгарской эпохи, которые находятся в пределах Чувашского Поволжья, и затронем в связи с ними лишь некоторые вопросы, главным образом связанные с проблемой происхождения чувашского народа.

Территория Волжской Булгарии, судя по письменным источникам и по археологическим данным, распадалась на целый ряд отдельных областей, центрами которых были большие хорошо

укрепленные города или замки, державшие в подчинении сельское население, обитавшее в окрестных селах и деревнях, некоторые такие области были окружены огромными, тянущимися на десятки километров земляными валами. Такие валы известны около Булгар, у Куйбышева-Татарского, и в других районах Волжской Булгарии, в том числе на Самарской Луке, где проходила южная граница этого государства.

Одна из таких областей Волжской Булгарии располагалась по течению р. Свияги и ее притокам Черемшану, Буле, Улеме и Кубне, а также в какой-то мере по прилегающим участкам течения Волги (рис. 29). Если взглянуть на почвенную карту Среднего Поволжья, то можно убедиться, что сюда, по бас-



Рис. 29

сейну Свяги близко к Волге подходили черноземные почвы, на западе, по занятому лесами правобережью Суры, сменяемые подзолами. Таким образом, здесь были благоприятные условия для развития земледелия—этой основной формы хозяйства Волжской Булгарии.

В бассейне р. Булы, около восточной границы ЧАССР, у д. Большая Тояба расположено болгарское городище, имеющее типичную форму квадрата. Валу городища сохранились относительно хорошо—их высота составляет сейчас до 6—10 м. В древности их высота была несомненно еще больше. С юга у земляной стены городища протекает р. Тоябинка; с востока и запада небольшие ручьи, впадающие в Тоябинку. Народное предание связывает этот замечательный памятник с именем Пугачева, но точное его время восстанавливается по материалам небольших раскопок, произведенных здесь в 1926—1927 гг. Более всего здесь было найдено обломков глиняной посуды в виде кувшинов, мисок и горшков, изготовленных из хорошей красной глины с помощью гончарного круга и хорошо обожженных. Такая точно посуда встречается на всех других болгарских поселениях. Для нее особенно характерен орнамент в виде полос и отпечатков гребенчатого штампа (рис. 30 вверху). Что представляло собою укрепление у Большой Тоябы—было ли оно резиденцией какого-либо влиятельного лица или укреплением оборонительного значения—сказать трудно, так как

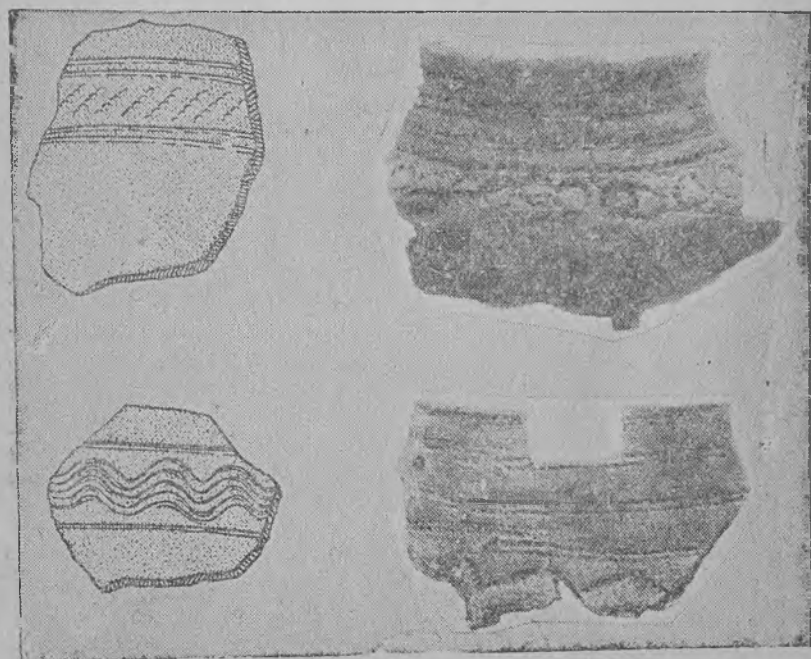


Рис. 30.

произведенные в 1926—27 гг. исследования были очень невелики. Бесспорно лишь, — что внутри валов было постоянное поселение.

Второе болгарское городище несколько другого устройства находится на р. Большой Буле около д. Тигашево. Это укрепление было обнесено тремя земляными валами, правда, не особенно высокими. Никаких раскопок на городище не производилось.

За пределами ЧАССР в бассейне Свияги имеются остатки еще нескольких подобных же городков. Таково Япончино городище в низовьях Кубни или городище у д. Деушевой на Свияге, имеющее в окружности от 1,5 до 2 километров. Последнее являлось уже не замком и не крепостью, а большим городом, имя которого остается пока что неизвестным. Очень вероятно, что этот пункт был административным и политическим центром всего Свияжского района Волжской Булгарии.

Кроме городищ в бассейне Свияги имеется большое число селищ, то есть остатков открытых селений, не имевших никаких защитных сооружений. Они располагались обычно по берегам рек на невысоких, но сухих местах, более или менее в тех же условиях, что и современные сельские поселения. Очень многие культурные слои болгарских селищ, погребены поэтому под современными селами и деревнями и очень плохо сохранились. Находки, происходящие из этих селищ состоят обычно из обломков глиняной посуды и кости домашних животных. Изредка встречаются обломки железных и бронзовых предметов, бусы и монеты. В большинстве случаев находки очень бедны, так как бедным и примитивным являлось и само крестьянское население. Отдельные находки земледельческих орудий — лемехов, топоров, кос и серпов — говорят о развитом пашенном земледелии. Земледельцы Булгарского царства обрабатывали землю с помощью плуга с железным лемехом, по форме близкого чувашскому сабану. В этом отношении болгарские земледельцы, как и земледельцы Хазарского каганата, значительно превосходили своих северных соседей.

В пределах Чувашской республики несколько селищ было обследовано на р. Буле и у с. Больших Яльчик, у с. Байбатырева, у Байтерякова, Арабузи и в других местах. Во всех случаях была найдена такая же, как в городищах, глиняная посуда, представленная обломками округлых горшков, снабженных нередко поперечными ушками и кувшинов с одной ручкой, пряслица от веретен, кости домашнего скота и некоторые другие культурные остатки.

Наряду с характерной болгарской посудой, изготовленной руками городских и сельских ремесленников — гончаров, на всех перечисленных выше селищах была найдена и другая посуда, лепленая от руки и слабо обожженная. Большинство сосудов этого типа имело округлое или лишь несколько уплощенное дно, круглое тело и высокую прямую шейку, украшенную орнаментом из отпечатков веревочки и гребенчатого штампа (рис. 30 внизу). По общему облику эта посуда выглядит очень древней,

однако археологами уже давно доказано, что она одновременно на болгарской, представляет собой продукт местного домашнего производства. На болгарском городке, находящемся у с. Валь на Самарской Луке, такая посуда встречалась в большом числе по городским окраинам. Ее употребляла, следовательно, преимущественно беднейшая часть населения. Имеется такая керамика и в городе Булгар.

Широкое распространение лепной посуды с веревочным орнаментом на окраинах болгарских городов и на селищах, где обитала основная масса населения—заслуживает всяческого внимания. Эта посуда, никогда не встречающаяся в степной полосе Восточной Европы, указывает на то, что в пределах Болгарского царства и не только в селах, но и в городах в большом числе жило старое местное население—aborигены лесостепного Поволжья. Посуду такого характера Волго-камские племена употребляли уже очень давно, начиная с ананьинской эпохи. Мы встречались с ней выше на городище „Малахай“. Предполагать, что пришельцы болгары могли заимствовать у местного населения эту плохую посуду, конечно, не приходится. Будущие археологические исследования, которые откроют целые болгарские города и сельские поселения, смогут окончательно установить: каков был процент местного населения в Волжской Булгарии. Можно предполагать, что в сельских местностях этот процент был очень большим.

Такое же сочетание местных элементов культуры с элементами болгарскими обнаружено во время раскопок на селище X—XIV ст. у д. Криуши на берегу Волги, вблизи устья р. Аниш. Там на песчаной дюне, речь о которой много раз шла выше, были обнаружены остатки культурного слоя, развеянного ветром и размывтого водой в половодья. Глиняная посуда представлена главным образом кувшинами с одной ручкой и лощением по поверхности. Найдены также несколько железных ножей с черенком и железные шлаки, говорящие о местной железной металлургии. Из украшений найден бронзовый наконечник пояса. Пояса с бронзовыми бляшками, похожие на современные кавказские пояса, составляли непременную принадлежность костюма гунно-болгарских племен (рис. 31). Среди отбросов пищи преобладают кости домашних животных: лошади и быка. Значительно меньше встречено костей свиньи. Еще меньше костей диких животных: лося, северного оленя, бобра, медведя и птиц. Преимущественно в нижнем горизонте культурного слоя, наряду с обломками сделанных на гончарном круге кувшинов, найдены обломки



Рис. 31.

круглодонной лепленной от руки посуды с веревочным узором в верхней части. Это небольшие сосуды с горлом диаметром 15—20 см. Глина содержит обломки раковины.

На основании обрисованных данных, можно сделать один, чрезвычайно существенный вывод относительно происхождения чувашского народа. Можно предполагать, что потомок Волжской Булгарии—чувашский народ сложился в процессе слияния двух элементов: оседлого местного населения и пришлого гунно-булгарского населения. Возникновение чувашского народа таким образом, происходило приблизительно теми же путями, что и возникновение Дунайских болгар—современных болгар. Как известно, славянские племена на Дунае в VII веке были завоеваны кочевниками булгарами и долгое время находились под их гегемонией. С течением времени завоеватели смешались с местным населением, восприняли их язык и культуру. Единственно, что восприняло местное население от завоевателей, если не считать некоторых незначительных особенностей языка и быта—это их имя булгары—болгары.

В Волжской Булгарии, в течение долгого времени бывшей мощным государством и культурным центром, сила культуры гунно-булгар, их языка и быта должна была сказаться значительно сильнее, тем более, что культура их высшего класса была тесно связана с высокой культурой Арабского Востока. В этих условиях даже численно преобладающее местное население должно было воспринять от завоевателей очень многое и в отношении языка и в отношении быта и всех других проявлений культуры. Таким образом, чувашский народ и его культура имеют два основания: первое—местные племена Волго-Камья, родственные всем другим, племенам Среднего Поволжья, и второе—гунно-булгарские племена степей Восточной Европы.

Вопрос о происхождении чувашского народа еще не получил достаточно глубокого освещения в исторической литературе. Это отчасти и понятно, так как проблема этногенеза европейских народов в целом представляет собой одну из наименее разрешенных исторических проблем. Здесь сыграли свою роль и недостаток фактических данных и общая сложность этой проблемы и, наконец, то обстоятельство, что буржуазная историческая наука, стремясь разобраться в вопросах этногенеза, чрезвычайно запутала эти вопросы и глубоко извратила связанный с ними фактический материал.

В течение XIX ст. и начала XX ст., решая вопросы происхождения того или иного народа, историческая наука исходила обычно из так называемой „индоевропейской теории“, детища германской философии, истории и лингвистики начала XIX ст. Этнические особенности народов рассматривались этой „теорией“, как особенности расовые, а процесс возникновения современных народов, как процесс дробления и смешения якобы некогда чистых расовых типов древнего человечества. Фашистская человеконенавистническая „расовая теория“ представляет собой наиболее

уродливое, наиболее реакционное проявление именно этих буржуазных лженаучных представлений, которыми германские агресоры издавна стремились прикрыть свое разбойничье обличье.

„Расовая теория“ не имеет ничего общего с наукой, она „далека от науки, как небо от земли“ говорил товарищ Сталин. Объективные научные факты указывают, что языкам и национальностям современной Европы предшествовали некогда совершенно иные языки и народы, сменившие в свою очередь еще более древние и примитивные языки и этнические группы. Никаких первичных языковых и этнических единств древнейшего человечества, соответствующих древним расам, в действительности никогда не существовало. Наоборот, для первобытной эпохи с ее редким населением и замкнутостью отдельных племен была характерна языковая и этническая пестрота, что повсюду наблюдалось в среде отсталых внеевропейских народов. Лишь в процессе исторического развития, вместе с ростом экономических и иных исторических связей, в обстановке слияния племен, смогли возникнуть более обширные и прочные этнические образования. В конце концов этот процесс привел к созданию современных национальностей, возникших, как учит нас марксизм-ленинизм, из различных рас и племен в эпоху отмирания феодализма и нарастания буржуазных экономических связей.*

Многие вопросы происхождения древних и современных народов нашей страны получили глубокое освещение в трудах крупнейшего советского ученого акад. Н. Я. Марра, прочно стоявшего на позициях исторического материализма. Н. Я. Марр создал новое учение о развитии языка, показав, что язык не остается неизменным, а постоянно изменяется вместе с ростом производительных сил и производственных отношений. На огромном фактическом материале Н. Я. Марр показал, что развитие языков и этнических групп происходит в результате соединения в одно целое различных ранее племен, говорящих на разных языках и имеющих разную культуру.

В своих работах, посвященных истории чувашского языка, Н. Я. Марр установил, что чувашский язык имеет предшественников в виде древних скифо-сарматских языков Северного Причерноморья и Прикаспия, что он имеет также северных предшественников, которые прослеживаются в языках других народов Поволжья и Приуралья и, наконец, что в чувашском языке сильны восточные элементы — гунно-булгарские и татарские.**

Работы акад. Н. Я. Марра открыли широкие возможности перед археологической наукой, которая в отличие от языкознания имеет возможность более точно определять историче-

* И. В. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1938 г. стр. 4.

** Н. Я. Марр, Чувашы—яфетиды на Волге. Чебоксары. 1926 г.

ские явления во времени и таким образом более конкретно восстанавливать исторический процесс.

Изложенные выше археологические данные, указывающие, что население Булгарского царства состояло из двух элементов: местного и пришлого—гунно-булгарского, могут быть дополнены и другими археологическими фактами, если не решающими еще вопроса о чувашском этногенезе во всей его полноте, то во всяком случае—разъясняющими некоторые его стороны. Эти данные в частности проливают свет на то деление чувашского народа на две части, которое уже давно было отмечено лингвистической и этнографической наукой.

Булгарские городища, седища и валы имеются лишь в юго-восточной части республики, связанной с бассейном р. Свияги. Северо-западная половина ЧАССР изобилует памятниками другого характера, селищами с грубой лепной посудой, нередко украшенной отпечатками веревочки, и маленькими городищами, расположенными на высоких речных берегах в глухих лесистых местах. Вместо высоких земляных валов, которые защищали булгарские укрепления и города, городища северо-западной части республики были защищены, главным образом, крутыми склонами высокого берега. Для сооружения укрепления выбирался обычно мыс высокого берега, сооружался небольшой вал и копались рвы. По внешнему облику эти городища не отличаются от укрепленных поселений племен Поволжья первого тысячелетия до н. э. и начала н. э.

Характерным памятником этого типа является Чёртово городище у д. Новинское вблизи Мариинского Посада (рисунок 32). Оно занимает длинный и узкий мыс, расположенный среди целой сети оврагов правого высокого берега Волги. Со стороны высокого берега городище укреплено двумя дугообразными валами, высотой в настоящее время до 2-х м. Длина городища от внешнего вала до оконечности мыса равна 110 м, средняя ширина—25 м. Культурный слой городища очень тонок и беден находками. До глубины 0,20 м в нем встречаются мелкие угольки, кости животных и мелкие черепочки от сосудов, изготовленных без помощи гончарного круга.

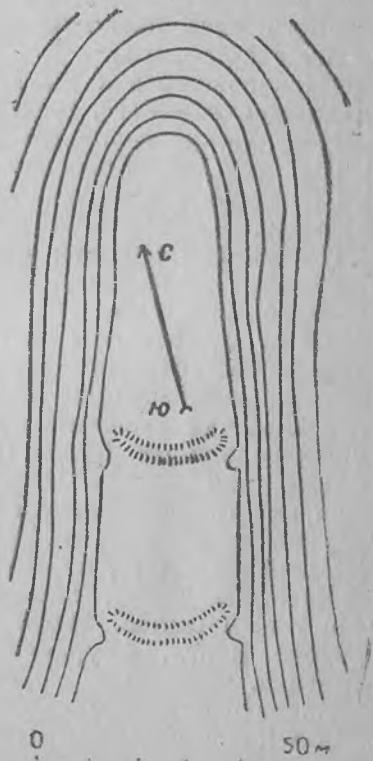


Рис. 32.

В 1 километре от Чёртова городища выше по Волге, около устья р. Цивилья, находится второе такое же городище, несколько меньших размеров. Оно укреплено также двумя валами дугообразной формы. В таких же топографических условиях, то есть на треугольном мысу высокого правого берега Волги, в 3-х километрах выше устья Цивилья у д. Ельниково имеется третье городище, длиной 50 м и шириной в основании 20 м. Оба последние городища при разведочных обследованиях почти не дали никаких находок.

В нижнем течении Цивилья, на правом берегу, против с. Яндашева находится городище, называемое местным населением Кивё хула ыраһнэ, то есть место старого города. Оно точно также занимает треугольный мыс берега, имеющий почти отвесные склоны. Вал городища сохранился очень плохо. Найденные при обследовании обломки глиняной посуды одинаковы с находками с Чёртова городища. Второе городище на Цивиле находится в его верхнем течении около д. Досаево. По своим размерам и форме оно близко Чёртову городищу, но помимо двух валов в основании, здесь имеется небольшой вал на оконечности мыса. Расположено Досаевское городище между двух сходящихся оврагов.

Несколько таких же небольших городищ известно по притокам Цивилья—Унге, Шатьме и Сорме.

На р. Сорме городище расположено вблизи д. Изванкино; на р. Шатьме у с. Большая Шатьма; по р. Унге—д. Туруново. Все они имеют треугольную форму и по сторонам ограничены оврагами.

Интересные находки были сделаны на городище у д. Каршлых на р. Сундырке, притоке Волги. Древнее укрепление занимало мыс высокого берега, называемый горой Сардон, и обнесено со стороны плато тремя валами и рвами, хорошо сохранившимися благодаря росшему на городище старому лесу. На площадке городища залегает культурный слой, мощностью до 0,30 м, также бедный по содержанию как и на всех предыдущих городищах. Кроме грубой лепной глиняной посуды такой же, как посуда Чёртова городища, здесь найдены такие вещи как глиняное пряслице для веретена и крупные глиняные грузила сетей. И те и другие вещи оказались изготовленными из такой же глины, что и посуда (рис. 33).

На р. Ольшанке, притоке Волги, небольшое городище известно у д. Янымово. Недалеко от него в верховьях р. Юнги, притоке Волги, в урочище Чагак имеется второй такой же памятник.

Наконец остановимся на городище у д. Калугиной (рис. 34), вблизи Красных Четай, находящемся в верховьях бассейна р. Черной, притоке Суры, где в 1930 г. были произведены небольшие раскопки. Городище занимает сравнительно невысокий мыс, образованный двумя сходящимися оврагами. Оно укреплено валом до 3 м высоты и небольшим рвом; на стрелке



Рис. 33.

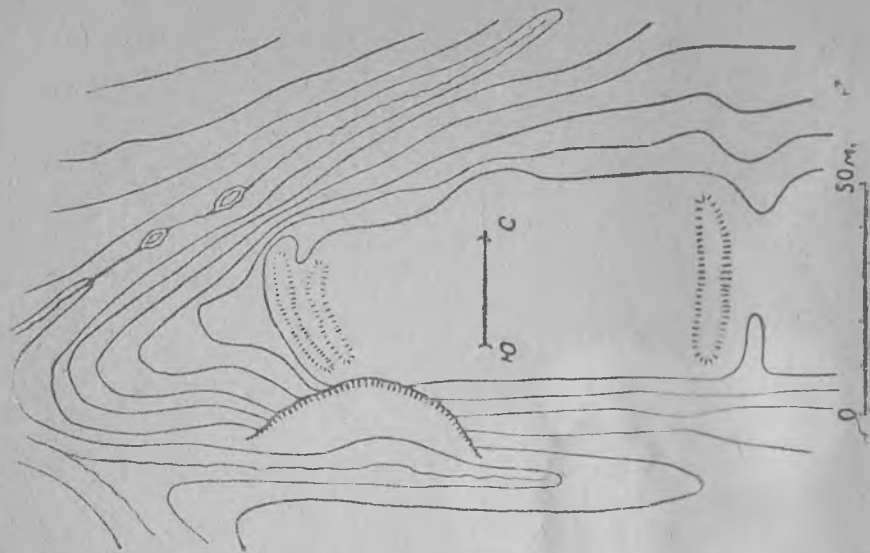


Рис. 34.

имеются следы еще двух небольших валов. Размеры площади городища 45×80 м; высота над дном оврага 18 м. Во время раскопок здесь была встречена глиняная посуда, такая же, как описанная выше, но имеющая иногда орнамент в виде горизонтальных линий или отпечатков веревочки по мерке и рядов гребенчатых или ямочных отпечатков по плечикам сосудов (рис. 33). Наибольший интерес представляют найденные на городище кости животных: лошади, быка, свиньи, которая отличалась исключительной мелкопородностью. Это говорит о сравнительно низком уровне скотоводства у населения лесной полосы. Скот разводился несомненно в большом количестве, но содержался плохо, повидимому, на подножном корму. Как известно, мелкие породы скота дожили в некоторых районах Среднего Поволжья вплоть до недавнего времени.

Перечисленные городища не дали пока никаких находок, на основании которых можно было бы точно определить их время. Некоторые исследователи предполагали, что все они относятся к XVI—XVII ст., являясь убежищами, куда население спасалось в минуту опасности. Этому предположению противоречит глиняная посуда городищ, всегда изготовленная от руки без помощи гончарного круга. В чувашских могильниках XVI—XVII ст.—кивё сáва, время которых определяется монетами,—глиняная посуда всегда изготовлена на круге. Следует думать, что гончарный круг в Чувашском Поволжье получил значительное распространение еще в XIII—XIV ст.—в татарскую эпоху. Поэтому городища следует отнести ко времени более раннему—к болгарской эпохе, а начало их ко второй половине

первого тысячелетия н. э., о чем свидетельствуют находки в нижних слоях некоторых городищ (например, у д. Калугино вблизи Красных Четай) керамики с рогожным орнаментом.

Определение городищ в качестве убежищ, а не мест постоянного обитания, является совершенно справедливым. Об этом говорят относительно тонкие и всегда бедные находками культурные наслоения этих памятников. Население этой эпохи жило в открытых селищах, спасаясь в свои городки лишь при приближении врага. Такого рода убежища или по древнерусскому — „тверди“, существующие рядом с открытыми поселками, характерны для эпохи разложения родового строя, что опять таки говорит не о XVI—XVII ст., а о значительно более раннем времени. Конец первого и начало второго тысячелетия н. э., когда по Волге спускались русские купцы, пробираясь в Булгары, когда русские воевали с Волжской Булгарией, когда, наконец, появились татаро-монголы — вот время когда нужны были в Чувашском Поволжье городища-убежища.

В итоге всего сказанного мы приходим к выводу, что болгарское время, когда в юго-восточной части Чувашской республики вдоль бассейна Свияги располагалась одна из провинций Булгарского царства и складывались общественные отношения ранне-феодального типа, население противоположной северо-западной части ЧАССР стояло на более примитивной ступени развития и непосредственно не входило в систему Волжской Булгарии. Здесь жили местные племена, не смешавшиеся с пришельцами гунно-булгарами, избегавшими непривычной им лесной зоны. В культуре населения бассейна Свияги и северо-западной части республики наблюдалось значительное различие.

Намеченную археологическими памятниками границу эпохи средневековья, пересекающую территорию Чувашской республики на две части: северо-западную и юго-восточную, следует сопоставить с идущей в том же направлении современной границей, разделяющей население республики на верховых (вирьял) и низовых (анатри) чуваш. Нет сомнения, что обе эти границы тесно связаны между собой. Общеизвестно, что в культуре вирьял наблюдается много общего с другими народами Среднего Поволжья и в области костюма, в характере жилища, в древних верованиях и даже в физическом типе. В культуре анатри местные волжские черты представлены значительно слабее. Анатри — это потомки смешанного населения Волжской Булгарии, а вирьял — это потомки преимущественно местных племен, которых лишь слегка коснулось культурное воздействие Булгарского царства. Не случайно также, что именно у анатри было распространено мусульманство, тогда как у вирьял сохранялось язычество.

Последний вывод, к которому мы приходим на основании изложенного выше, касается роли гунно-булгарского этнического элемента и Булгарского царства в формировании чуваш-

ского народа. Мы видим, что племена Среднего Поволжья, смешавшиеся с пришельцами гунно-булгарами и входившие в состав Волжской Булгарии, и их северо-западные соседи, видимо сохранившие свою этническую чистоту и не входившие непосредственно в систему Булгарского царства, после распада последнего не составили двух совершенно различных народов. Они сохранили свою близость и с течением времени ее значительно укрепили. Это говорит о том, что гунно-булгарский этнический элемент в культуре сельского населения Волжской Булгарии отнюдь не главенствовал. В большом числе потомки гунно-булгар обитали, повидимому, в городах, которые были уничтожены во время татарского нашествия. Основное значение Волжской Булгарии в истории чувашского народа состояло, следовательно, не в том, что какое то, вероятно, немалое количество оседающих на землю кочевников смешалось с местным волжским населением, а в том, что гунно-булгары создали в Среднем Поволжье богатое и культурное для своего времени государство, связанное с Арабским Востоком и Древней Русью, оставившее глубочайший след на культуре всей массы скрестного населения.

Изложенная выше точка зрения, далеко не охватывающая всех сторон сложной проблемы происхождения чувашского народа, должна рассматриваться в качестве гипотезы, требующей дальнейших исследований. Огромное число археологических памятников территории Чувашского Поволжья—стоянок, селищ, курганов, могильников и городищ еще ждет своего исследователя. Неиссякаемым источником ценнейших данных для исторического знания является чувашский язык, значение которого впервые было понято и объяснено крупнейшим советским исследователем—академиком Н. Я. Марром. Не менее важные сведения по древней истории чувашского народа таит богатый чувашский фольклор: предания, легенды, древние верования, сказки, песни, названия урочищ и т. п. Поднять все это огромное научное богатство и поставить на службу исторической науке—дело большой сложности. Но оно вполне под силу советским историкам и окончательное разрешение проблемы происхождения чувашского народа является делом ближайшего будущего.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. „Ручное рубило“.
2. Карта оледенения Европы: I—граница оледенения; II —территория Чув. АССР.
3. Мамонт.
4. Каменные орудия из пещеры Киик-Коба в Крыму.
5. Неандерталец.
6. Реконструкция палеолитического жилища.
7. Орудия верхнего палеолита.
8. Находки у д. Никитино около Ядрина.
9. Находки у с. Яндашева на Цивиле.
10. Наконечник стрелы, найденный около г. Цивильска.
11. Каменные орудия, найденные у д. Криуши.
12. Орудия с кремневыми лезвиями, реконструкция.
13. Каменные орудия, происходящие из разных районов Чувашского Поволжья.
14. Погребение из Балановского могильника.
15. Вещи из кургана у д. Атли-Касы.
16. Вещи из Балановского могильника.
17. Вещи из курганов у с. Абашева.
18. Вещи из курганов у с. Абашева.
19. Вещи из курганов у д. Алгаши.
20. Бронзовые орудия, найденные в разных районах Чувашского Поволжья: 1) топор клиновидный или долото, д. Альменево, Чебоксарского у.; 2) тоже, с. Фролово на Свияге около Буинска; 3) топор, г. Ядрин; 4) тоже, д. Нюшь, Цивильского р.; 5) кельт, д. Альменево, Чебоксарского р.; 6) тоже, д. Карачево, Чебоксарского р.; 7) мотыга, д. Тюбяк-Чурки, на р. Свияге вблизи устья р. Булы; 8) серп, д. Абашево, Чебоксарского р.; 9) нож или наконечник стрелы, д. Курбаш-Тура, Цивильского р.; 10) кивжал, д. Курбаши, Цивильского района; 11) кивжал, г. Чебоксары; 12) наконечник копья, г. Цивильск; 13) тоже, г. Чебоксары; 14) рыболовный крючок, с. Фролово, на р. Свияге; 15) тоже, с. Верхние Болтаи, на р. Свияге.
21. Обломки глиняной посуды, льячек (ложка из глины для литья в форму расплавленной бронзы) и бронзовое височное кольцо, найденное на селище эпохи бронзы около д. Криуши.
22. Вещи из курганов, исследованных в 1927 г. в с. Байбатыреве.
23. План городища „Малахай“. Стрелкой показано место селища.
24. Обломки глиняной посуды, найденные на городище Малахай (1—3) и у подножья городища (4—7).
25. Топоры-кельты ананьинских типов, найденные в Чувашской республике: I—д. Криуши, Козловского района, II—г. Цивильск.
26. Вещи пьяноборского типа, найденные у с. Яндашева.
27. Вещи из погребения у д. Криуши.
28. Карта Восточной Европы X ст. н. э.
29. Карта памятников эпохи Волжской Булгарии, обследованных на территории Чувашской АССР в 1926—27 и 1930 гг.
 - 1) городище у д. Досаево; 2) городище у д. Калугино, 3) городище у д. Янымово; 4) городище у д. Изванкино; 5) городище д. Туруново; 6) городище у с. Б. Шатма; 7) городище Чагак; 8) городище Сардок у с. Каршлых; 9) городище у д. Новая; 10) городище у с. Яндашева; 11) малое городище у д. Новинки; 12) Чертово городище у д. Новинки; 13) селище у д. Криуши; 14) городище „Каменная гора“ вблизи г. Алатыря; 15) селище у с. Б. Яльчаки; 16) городище у с. Гояба;

- 17) селище у д. Арабузи; 18) городище у д. Тигашева; 19) селище у с. Байтырева; 20 селище у с. Бейтерякова.
 30. Обломки глиняной посуды из болгарских городищ и селищ юго-восточных районов ЧАССР.
 31. Вещи, найденные на селище болгарской эпохи у д. Криуши.
 32. План Чертова городища вблизи Маринского Посада.
 33. Вещи с городищ северо-западной части ЧАССР.
 34. План городища у д. Калугино, Красно-Чегайского района.
-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Литература ко всей книге

- Ф. Энгельс.** Происхождение семьи, частной собственности и государства. **К. Маркс и Ф. Энгельс,** Сочинения, т. XVI, ч. I, 1937 г.
- И. В. Сталин.** О диалектическом и историческом материализме: Вопросы ленинизма изд. 11, 1938 г.
- П. П. Ефименко.** Средневожская экспедиция 1925—1927 гг. Сообщения Гос. Академии истории материальной культуры, т. II, 1929 г.
- А. В. Шмидт.** Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества. Известия Гос. Академии истории материальной культуры, вып. 106, 1935 г.
- Н. Я. Марр.** Чуваши — яфетиды на Волге. Чебоксары 1926 г.
- В. Ф. Смолин.** Археологический очерк Татареспублики. Материалы по изучению Татарстана, в. 2, Казань, 1925 г.

Литература к главе I

- П. П. Ефименко.** Первобытное общество, Ленинград, 1938.
- В. И. Равдоникас.** История первобытного общества, т. 1, Ленинград, 1939.
- А. С. Уваров.** Археология России. Каменный период, т. I—II, Москва, 1881 г.
- В. А. Городцов.** Археология, т. I, 1925.
- А. А. Штуkenберг и Н. Ф. Высоцкий.** Материалы по изучению каменного века в Казанской губ. Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете, 1885 г., т. XIV.
- В. Ф. Смолин.** Археологические разведки в Чувашской республике, Известия Общества Археологии, истории и этнографии при Казанском университете в 1926 г., т. XXXIII, в. 4.
- П. Н. Третьяков.** К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Известия Гос. Академии истории материальной культуры, вып. 106, 1935 г.

Литература к главе II

- О. И. Бадер.** Балановский могильник. Советская археология, VI, 1919 г.
- П. Н. Третьяков.** Из материалов Средневожской экспедиции. Сообщения Гос. Академии истории материальной культуры, 1928 г.
- А. А. Штуkenберг.** Материалы для изучения медного века в восточной полосе Европейской России, Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XVII, 1901 г.
- Лихачев.** Следы бронзового века в Казанской губ. Труды VII Археологического съезда в Ярославле, т. II, 1890 г.
- А. В. Забруева.** К вопросу о появлении домашних животных в Прикамье. Советская археология, III, 1937.

Литература к главе III

- Вараксина.** Костеносные городища Камско-Волжского края. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXXIV, вып. 3—4, 1929 г.

2. К. П. Новотруев. Аваньянский могильник, труды I Археологического съезда в Москве, т. I.
3. П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Известия Гос. Академии истории материальной культуры, вып. 106, 1943 г.
4. А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. Материалы по археологии России, № 25, 1901 г.
5. П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Материалы по этнографии, т. III, в. 1. Ленинград, 1926 г.
6. П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. Советская археология, II, 1937 г.

Литература к главе IV

1. В. Ф. Смолин. К вопросу о происхождении народности Камско-Волжских Болгар. Казань, 1921 г.
 2. Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваша, Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XVIII, в. 1—3, 1902 г.
 3. С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губ. Казань, 1877 г.
 4. П. Н. Третьяков. Средневековые феодальные городища ЧАССР. Сообщения Гос. Академии истории материальной культуры, 1932 г. № 5—6.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Предисловие	3
Введение	4
Глава I. Древнейшие обитатели территории Чувашской республики . .	8
Глава II. Племена Чувашского Поволжья во втором тысячелетии до н. э.	22
Глава III. Племена первого тысячелетия до н. э. и первого тысячелетия н. э.	42
Глава IV. Чувашское Поволжье в эпоху Волжской Булгарии	56
Список иллюстраций	71
Список литературы	73

Под наблюдением
редактора *Н. А. Андреева.*
Корректор *Л. Н. Зайченко.*

Тех. редактор *М. Тимофеева.*

НТ 00265 Заказ № 3491.

Подписано к печати 25/III—48 г.

Количество печ. знаков в 1 п. л. 46 432. Тираж 5 000 экз. Объем 4,75 п. л.

Типография № 2 Управления полиграфпромышленности при Совете
Министров ЧАССР. гор. Алатырь.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано:	Следует читать:
25	1 сн.	(рис. 15)	(рис. 14)
61	20 св.	селищ, по- гребены	селищ погребены,
71		14. Погребение из Балавовского могильника отнести к 15 рис. 15. Вещи из кургана у д. Атли- Кэсы—к 14 рис.	

П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей исто-
рии Чувашского Поволжья.